С 91(98)
3-63

МАКС ЗИНГЕР

НА СЕВЕР!

ПО МОРЯМ И РЕКАМ

100420

...сра.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

345

Библиотека Севера

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

С 91(98) 100420
3-63 Зингер, М.
На Север!
35 коп.

~~6 I 76~~			
8 XII 83			
22.3.90			
3.11.91			

выдач

У НАС И ЗА ГРАНИЦЕЙ

С 91(98)
З-63
910.4
З-63

МАКС ЗИНГЕР

НА СЕВЕР!

(ПО МОРЯМ И РЕКАМ)

ОЧЕРКИ

*С 17 фотографиями
и 1 картой в тексте*

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

345 р.
Кабинет Севера.
1966 г.

91(98)

З 63
Путешествия.

З-63

Типография Издат. „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 линия, д. 28. Зак. № 4184. Главлит № А-66165. Печатн. лист. 2¼. Тираж 10.100 экз.

1995

Нейтрализация
20 11 г.

ОСТРОВ ДИКСОН

ОХОТА ВО ЛЬДАХ И СКАЛАХ

ЗАКРУЖАЛИ

На рации острова Диксон было так заведено: чтобы не цынжать в полярную зимнюю ночь, каждый зимовщик был обязан побольше находиться в движении, бороться со сном. И люди уходили с радиостанции Диксон на охоту за зверем, разминали себе ноги в тяжелой ходьбе по сугробам.

В разных местах около Диксона стояли промысловые избушки без окон, с маленькими прорезями бойниц. Сюда от самого океана по снегу зимовщики тащили убитую нерпу, оставляя кровавый след; это называлось—потаск. Зверь чуял запах и шел по следу к самой избушке, где сидел охотник.

Абросимов в первый год зимовки на Диксоне пошел в конце декабря в Лемберовскую промысловую избушку с товарищем. Не любил Абросимов тепло одеваться: в шагу было неловко, да и тяжело тащить на себе олений сакуй.

Абросимов был в полушубке. Товарищ его — в сакуе. Дошли до знака Пирожка. Началась надземная пурга. На Диксоне погода набегает сразу.

Скрылись товарищи от пурги в избушку. Нехватило дров, пришлось итти под уклон за топливом, а штормовало так, что ветром валило человека и не видно было из-за снега протянутой руки.

Как только прояснило и стихла пурга, вышли товарищи к Павловской избушке. Нужно было проверить песцовые ловушки — пасти. Не попал ли в них зверь, не запустил ли их случайно заяц или полярная куропатка, и тогда снова надо было заряжать пасти.

Только вышли из Павловской избушки, опять понесла пурга. У ворота Абросимова полушубка крючок был оторван; из валенка выглядывал шерстяной чулок. Ходили, ходили и поняли вдруг зимовщики, что закружали. Торопились, падали, вставали и снова шли по сухому, сыпучему снегу, а пурга заметала их след.

— Переждем пургу, — предложил Абросимов товарищу. — Закружали мы с тобой, если нам дальше итти, беспременно погибнем.

Вырыли винтовками пещеру в снегу. Засели в пещере.

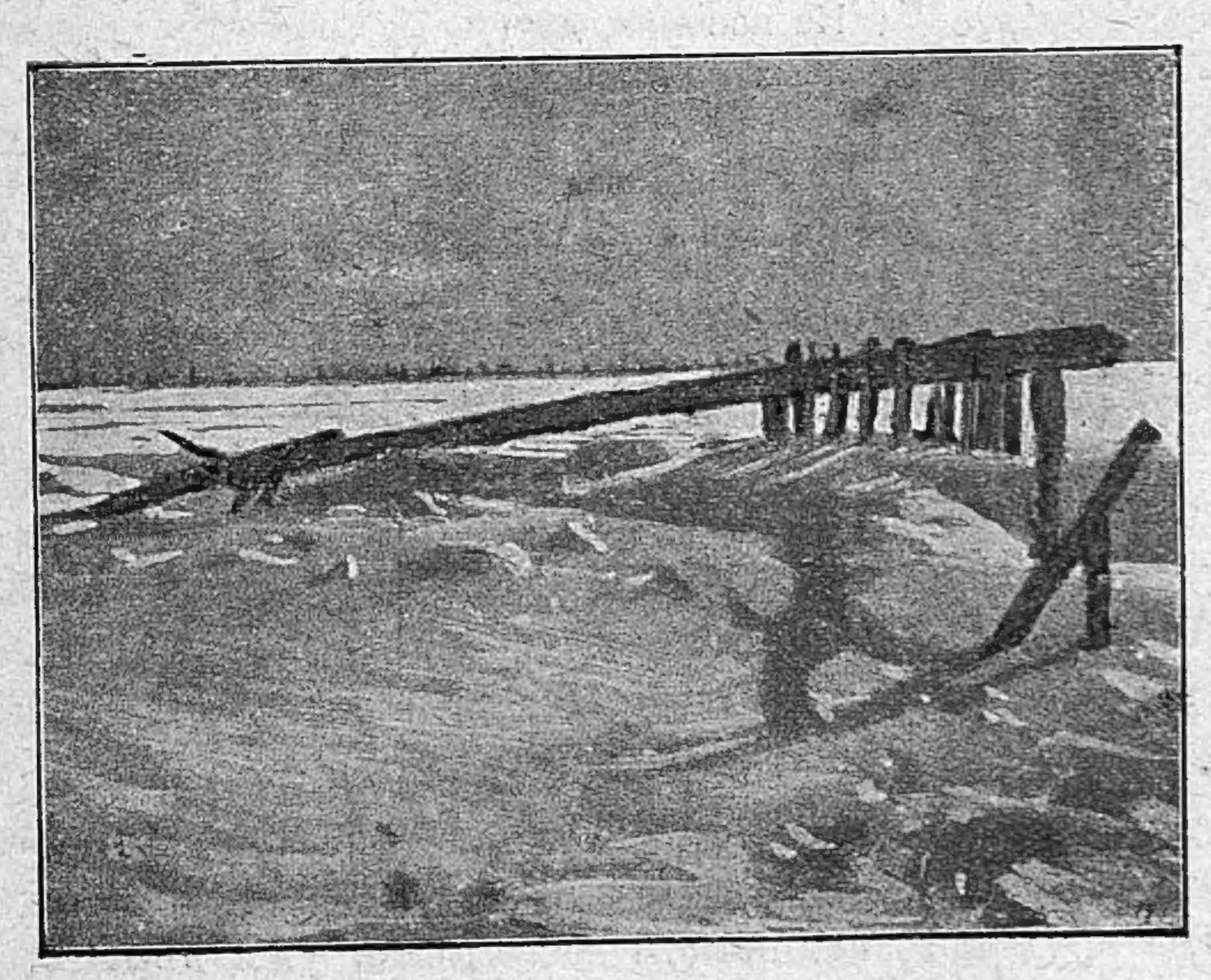
— Если засыпать кто из нас станет, то надо друг друга будить, — решили зимовщики.

— Абросимов, ты не спишь? — спросил его через несколько минут товарищ.

— Дрема клонит и словно звон в ушах, музыка будто где-то играет.

— Вот и я тоже слышу. Может быть, и вправду где играют?

— Нет, товарищ, значит, нас сон одолевает. Какая здесь на этом чортовом острове музыка! Нам уходить следует. Замерзнем мы в берлоге. У меня белье от пота все отсырело. А теперь мороз

Пасть — песцовая ловушка.

берет. Утром в избушке было тридцать пять градусов.

Пошли опять по сухому, как песок, сыпучему снегу. Его мело поземкой.

— Должно быть, мы попали с тобой за́падней, а нам нужно на юг подаваться, — сказал Абросимов.

И зимовщики тронулись на зюйд-ост. Там должен был быть материк. Земли нигде не было

видно. Кругом лежал лед. Полярная ночь была беспросветно темная. Ветер бил навстречу.

Вижу смерть меня
Здесь в степи сразит,
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Схорони меня
Здесь в степи глухой...

— Что это ты поешь, Абросимов? — спросил его вдруг товарищ.

— А разве я пою? — удивился зимовщик.

Он пел на голос и не слышал самого себя.

— Нам с ветром не совладать, — очнулся будто Абросимов. — Пойдем вместе с ветром. Если ветер не переменился еще, он должен дуть на Диксон, выйдем тогда с ним на рацию.

Ветер помогал зимовщикам итти. Светящийся циферблат часов на руке Абросимова показывал, что кружали зимовщики без пищи уже двадцать восемь часов и только раз передохнули в снежной пещере.

— Смотри, вон чистая вода, — сказал вдруг Абросимов. — Южные ветры отжали лед от берега, и мы теперь с тобой на пловучих льдах. Унесет нас в море. Не судьба, значит, нам вернуться на рацию.

Какая бы на Диксоне ни была пурга, снег не заносил высоких скал. И вот вдруг на черной воде океана черные скалы темнее черной ночи выступили перед кружавшими. И перед самыми

спутниками вырос тычок—шест. Его ставили в камнях как опознавательный знак для того, чтобы не заблудиться во время пурги и определяться по ним.

— Должно быть, мы к Павловской избушке выходим, — сказал Абросимов.

Подались зимовщики на соседнюю гору.

— Вон огонек горит! Смотри влево, как звездочка светится, — сказал Абросимов.

Не поверил Абросимову товарищ, не первый раз ему виделись сегодня огоньки.

— Нет же, говорю, вон влево горит огонек, не гаснет, — говорил Абросимов.

— Пока радиомачты не увижу, не поверю, что мы на Диксоне, — сказал товарищ.

Пурга стихла. Перед зимовщиками в нескольких метрах выросли постройки и мачты радиостанции.

Винного спирта на рации уже не было, он весь вышел. Взял Абросимов с товарищем аспирину, приготовили из денатурата круговые спиртовые компрессы и укрылись оленьими шкурами.

Обоим снилась во сне пурга, и ветер всю ночь пел песни.

Это гудела и работала искровая радиостанция острова Диксон.

ВСТРЕЧИ С БЕЛЫМИ МЕДВЕДЯМИ

I

Второй год зимовал Абросимов на острове Диксон. В эту зимовку на Диксон прибыл новый человек—моторист. Абросимов пошел как старый зимовщик показывать ему места. Дошли до Кретчатника.

— Смотри, вон в скалах два желтых пятна, — сказал Абросимов мотористу. — Наверное, медведи. Здесь снега не бывает.

Пошли на желтые пятна.

Медведица с медвежонком, завидев людей, вскочили и побежали за камни.

Абросимов шел без ружья, у моториста был штуцер с двумя патронами. Долго искали зимовщики медведей. Не нашли. Разминулся Абросимов с товарищем.

— Подходи сюда, — кричит Абросимов мотористу. — Медведи должны быть здесь.

И в самом деле, из-за камней выглянули острые морды и черные пятачки медведей.

— Уж я стрельну, — сказал моторист. — Ни разу в жизни не стрелял медведя.

Выстрелил моторист раз — промахнулся. И в другой раз ружье дало промах.

Убежали медведи. И люди, оставшись без патронов, скрипя пимами по сыпучему снегу, ушли торопливо на рацию.

Человек уходил от зверя, зверь — от человека.

II

На Диксоне было правило: охотиться и шкуры убитого зверя сдавать в общий котел, чтобы в конце зимовки делить трофеи поровну между зимовщиками.

И в полярные ночи, в пятидесятиградусные морозы зимовщики шли проверять пастники — ловушки на зверя, или дежурили сутками в промысловых избушках.

Абросимов сидел уже три дня в промысловой избушке. Захотелось ему горячей пищи, и только стал он разводить примус, как услышал шорох за стеной. Открыл Абросимов бойницу, смотрит — медведь разделывает убитую нерпу — приманку на зверя.

Медведь пришел на потаск, по кровавому следу, оставленному на льду нерпой, когда ее Абросимов волок к избушке.

Винтовку в избушке обычно не держали. В избушке было теплее, чем на открытом воздухе, где от мороза лопались градусники. Если винтовку из избушки вынести сразу на улицу, она запотевала, примерзала и ржавела.

Винтовка Абросимова стояла за дверью избушки.

Тихонько, чтобы не вспугнуть зверя, стал Абросимов приоткрывать дверь, за которой стояла винтовка. Медведь услышал шорох и, схватив нерпу, побежал от избы в сторону.

Выстрелил Абросимов. На мягкой части зверя показалось красное пятно. Но медведь не останавливался и продолжал уходить.

Абросимов побежал за медведем, перерезая ему путь. Выстрелил на бегу. Пуля прошла мимо. Зверь, услышав выстрел, подумал, что стреляют с той горы, на которой он искал спасения, и побежал обратно, прямо на зимовщика.

Выстрелил зимовщик. Медведь упал, и крови натекла сразу целая лужа. Пар шел от горячей медвежьей крови. Подбежал Абросимов к медведю, а тот вдруг поднялся, да в сторону от зимов-

щика. Вскинул Абросимов винтовку, но стрелять было нечем. А тут, из-за скал, показался второй медведь. Он спокойно смотрел на охоту, видимо, не понимая происходившего. Ни с чем вернулся зимовщик на рацию.

III

Рано утром пошел Абросимов проверять пастник. Вдруг собака зимовщика насторожилась, подняла шерсть, заводила носом. Видит зимовщик, около пастника медведь ходит. Дал Абросимов выстрел. Посмотрел удивленно медведь на охотника и лениво заковылял дальше.

Абросимов побежал за ним. Стыдно было упускать зверя на таком расстоянии. Все зимовщики уже давно были с трофеями.

Бежит Абросимов, закололо в боку, чувствует, что спирает дыханье. Приостановился. Осмотрел винтовку. Последняя пуля остается. На ремне нащупал длинный самоедский нож в деревянном футляре.

А медведь, не обращая внимания на человека, бежал к промысловой избушке, куда вел потаск.

Увидел медведь нерпу, задержался, подошел и стал ее харчить.

С северной стороны всегда на Диксоне наметает сугробы снега. И сегодня у промысловой избушки нордовые ветры намели огромный сугроб. За сугробом медведь расправлялся с нерпой.

Вскинул Абросимов винтовку, ждет. Слышит зверь шорох, насторожился, выходит из-за сугроба.

Прицелился зимовщик под левую лопатку. В морозном воздухе одиноко хлопнул выстрел. Больше не было патронов.

Охотник бросился в избушку. Закрыл за собой дверь, утопил обойму в магазинную коробку ружья и тихонько стал выходить из избы. Осмотрелся зимовщик, нигде не видать зверя.

„Что за чудо, — подумал Абросимов, — который медведь уходит раненый!“

На белом снегу, за сугробом, застыла кровавая лужа и красный след раненого зверя вел на север от избушки, к океану.

Пошел Абросимов по кровавому следу с собакой. В полсотне метрах от избушки, за торосом, стоял раненый медведь.

Его будто привязали к скале. Он качался вправо и влево, вытягивая длинную желтую шею, водя черным пятачком и тихо стонал, как человек.

Собака яростно залаяла и стала хватать зверя за лохматые штаны.

Охотник близко подошел к медведю и выстрелил. Пуля пробила сердце. Медведь, закрыв лапой рану, рухнул замертво на снег.

НА ПРОВЕРКУ ПАСТЕЙ

Трое зимовщиков осенью шли проверять пастники. Держались зюйдовые ветры. Утренние заморозки разрисовали окна радиостанции. На материке, куда шли зимовщики, было до ста пастей — ловушек. И каждую осень ходили зимовщики на Диксоне ремонтировать пасти.

Сегодня никак не могли напасть зимовщики на материк, где стояли пасти. На море штормило.

Как только стихли беляки — белые гребни океанских волн — зимовщики пошли под парусом к материку. Но ветер снова стал крепчать.

У острова Пирожок показались беляки, и лодку стало захлестывать.

— Что же нам, ребята, теперь делать, возвращаться или вперед итти? — спросил зимовщиков рулевой. Он был старый полярник и знал море, его повадки.

— Пойдем вперед, половину пути прошли, чего уж возвращаться!

Когда в проливе Вега стали выходить на мыс Скуратова, валы начали сильно ложить шлюпку.

Скуратов мыс был самым опасным местом — каменная гряда выходила здесь из воды. В мертвую зыбь у мыса уже пенилась вода, а сейчас в свежий ветер у зимовщиков стало солоно во рту от морских захлестов.

Валы вставали стеной, шлюпка проваливалась, и ее уже накрывало волной, как вдруг она выскакивала снова на гребень.

У рулевого на щеках бегали желваки и рука цепко сжимала рулевое весло. Но во рту и сейчас дымила трубка.

— Собира-а-ай парус!

— Распуска-а-ай! — командовал рулевой.

Третий зимовщик беспрестанно вычерпывал воду из шлюпки, но каждый новый вал снова захлестывал ее.

Миновали зимовщики мыс Скуратова, дошли до середины Чортовой Губы.

Последний вал накрыл шлюпку.

— Распускай все паруса! — крикнул рулевой.

И только распустил Абросимов все паруса, не успел оглянуться, как лодку, уже полную воды, выбросило на мягкий грунт берега.

Оставили зимовщики шлюпку, а сами пошли в Лемберовскую промысловую избушку. Чтобы попасть в нее, нужно было перейти Лемберовскую речку, где с морской стороны оставалась лодка.

Лодки у берега не оказалось. Сделали походный плот из плавника. Его сюда приносило из сибирских лесов могучими водами Енисея.

Решили сразу переправить двоих. Плот не выдержал, плотовщики по грудь ушли в студеную воду.

Только к вечеру выбрались зимовщики по одному на тот берег.

А в Лемберовской избушке уже были люди с зверобойной шхуны „Житков". Они рыбачили возле избушки третий день.

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

В самую полярную ночь Абросимов ушел с товарищем на Медвежьи острова около Диксона. Товарищ взял курс на вест, Абросимов — с Долгих островов по береговому припаю в надежде встретить зверя.

У Долгих островов старый лед отнесло, и море затянуло новым льдом. На рации градусник показывал 38° ниже нуля.

„Дойду до кромки воды, посмотрю, нет ли следов медведя или нерпы“, — решил Абросимов.

Километрах в четырех от берегового припая увидел Абросимов в бинокль морского зайца. Он лежал у самой кромки.

Шагов семьдесят пять осталось уже от зимовщика до зайца, но ветер шел от нерпы на охотника, и Абросимов не торопился стрелять. Зверь не учует его.

Лед стал потрескивать под ногами зимовщика. Слыхал Абросимов, как люди попадали в ледяные ванны, проваливаясь во время охоты под лед, и ступал осторожно, выставляя вперед ногу.

„Надо будет винтовкой попробовать лед, не ровен час провалишься“, — подумал зимовщик.

Стукнул зимовщик прикладом. Вдруг грохнул выстрел. Пуля пробила меховую шапку и подкладку, чуть опалив волосы. Несколько секунд Абросимов не двигался с места, его оглушило выстрелом, затем он осмотрелся и ощупал себя.

„Цел“, — подумал зимовщик.

Заяц лежал неподвижно — он не слышал отнесенного ветром выстрела.

„Эк ведь угораздило, стукнул прикладом, а в стволе патрон сидел. Забыл совсем про него. Счастливо отделался!“ — думал Абросимов, подходя к зайцу.

Вдруг лед затрещал, и зимовщик провалился под лед.

С трудом выбрался Абросимов на целый лед и катком откатывался от провала. По самую грудь

холодила студеная вода и слипалась, стыла на жестоком морозе одежда.

„Надо бежать, — решил зимовщик. — Если застыну, пропаду и не скоро меня здесь отыщут“.

Держа в одной руке винтовку, побежал Абросимов на Диксон, но скоро стал задыхаться.

От бакарей шел пар. Вода, проникшая в бакари, стала прогреваться. Чувствует Абросимов, как тепло разливается по всему телу. А впереди уже показались мачты радиостанции.

„Бежать, бежать, еще немного, Абросимов; давай, давай!“ — подбадривал себя зимовщик.

На рации давно беспокоились о нем. Товарищ его вернулся и не мог рассказать, где Абросимов.

— Теперь чаю выпей, покрепче, — предложил Абросимову метнаблюдатель. — Жалко спиртика нет — весь вышел.

Абросимов, согревшись чаем, заснул, как убитый. С утра, если только было утро в полярной ночи, надо было торопиться на пастник — делать обход.

В той стороне, где белели звезды медведиц, загорались столбы северного сияния. Столбы уходили высоко в небо, то вспыхивая, то угасая.

— Третьего дня я видел замечательное сияние, когда на Медвежий с собакой пробирался, — сказал радист. — В форме драпри. Из-за одной такой красоты еще раз согласишься пойти на зимовку.

ПО СУХОНЕ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

У ТАЙНИКОВ СЕВЕРА

На семьдесят километров от Вологды, по рекам Вологде и Сухоне, не встретить ни одного жилья. Все болота, болота, озерца да заливные луга с буйной зеленью трав.

Прошли необитаемые места, скрылась за излучиной стая журавлей на лугу, не вспугнутых пароходом, раздалась Сухона пошире, завиделись и деревеньки. У деревенек порой нет вовсе пристаней. Берега глубокие, и пароход причаливает прямо к самому берегу. На пристанях и помину нет о том оживлении, которое так характерно для волжских пристаней. Торговли на пристанях нет, торговать нечем, и крестьяне, и крестьянки в самотканной одежде, все от мала до велика, в сапогах из-за непролазной грязи высыпают встречать пароход только из любопытства. Пароход здесь — своего рода пловучий музей. На нем новые, незнакомые люди, невиданные зеркала, электрический свет, пианино и грохочущие машины. С пароходом может притти долгожданное письмо, или сын приедет на побывку из Красного флота (Северо-Двинская губерния особенно много дает краснофлотцев).

Словно во времена Грозного, некогда здесь бывавшего, у берегов полощутся привязанные веревками стружки, выдолбленные из целого дерева, большей частью из осины, которую распаривают и разводят после долбления, придавая ей широкую, расплющенную форму.

Раздалась Сухона пошире, завиделись и деревеньки.

Если волжские берега связаны с именем крестьянских революционеров — Пугачева и Разина, если Волга может рассказать героическую историю, как она стала „честной советской рекой“, то Северная Двина много расскажет о тяжелых годах интервенции, она умолчит лишь о своих тайниках, которых здесь великое множество.

В конце реки Усть-Городищенской, Нюксинского района, Северо-Двинской губернии, надо подняться

Кабинет Севера

вверх по течению километров на двенадцать и спросить деревню Богоявленье. Есть там выселки (хутор) около места Сольного. Сюда в голодные годы военного коммунизма со всей округи приезжали крестьяне с бочками за водой, из которой вываривали соль. Здесь же из-под луга, по зыбкой, болотистой почве пробивается ручей, вода которого покрыта маслянистым слоем. Находившиеся поблизости рыбаки не раз наливали эту жидкость в лампы и пользовались даровым освещением. Любители, захватив с собой вату, омокали ее в ручье и зажигали. Ручеек этот впадает в речку Городишню. Один предприимчивый человек попытался было произвести здесь бурение, но его скоро отвадили крестьяне:

— Ты нам, гражданин, луга не порть. Ступай отсюда, пока цел.

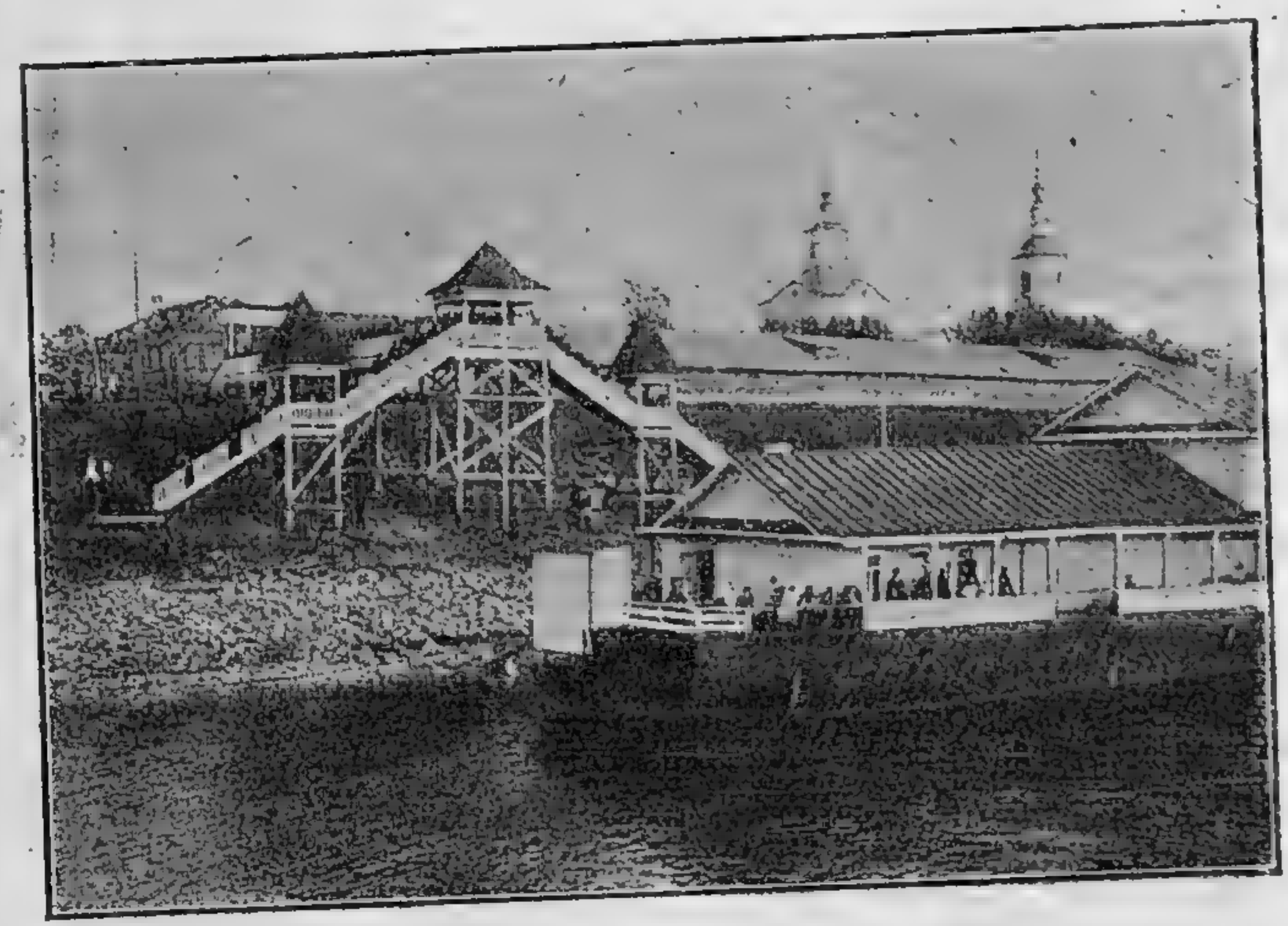
На присутствие соли в близлежащем крае обращают внимание сами географические названия: Сольвычегодск (соль вычегодская), Солигалич (соль галичская), Солониха и т. п.

Близ Котласа и сейчас еще видны следы раскопок, произведенных профессором Амалицким и давших ценные экземпляры ископаемых животных.

В восьми километрах от Красноборска, близ Цывозера, около одного болота живут кузнецы. Болот здесь много. Летом они частично просыхают, и в них толстым слоем залегает болотная железная руда, имеющая выход на поверхность земли.

Геолог Бартенев (сын издателя „Русского Архива") намеревался некогда построить на этом

месте железоделательный завод. Окончание строительства Великого Сибирского пути в девяностых годах прошлого века породило кризис сбыта железа; оно сильно упало в цене. Сибирское кровельное железо доходило до 1 руб. 80 коп. за пуд.

Пристань Котлас.

Бартенев своей идеи так и не осуществил. А руда залегает и поныне.

Там же, неподалеку от речки Лахомы, промышленники белки, живя в лесных избушках, счерпывают с окрестных болот жидкость и жгут ее в лампах.

Возле открытого полярным художником А. А. Борисовым в 1922 году близ Красноборска курорта Солониха, грязи которого по целебным свойствам превосходят Старую Руссу и равны Аахену, на

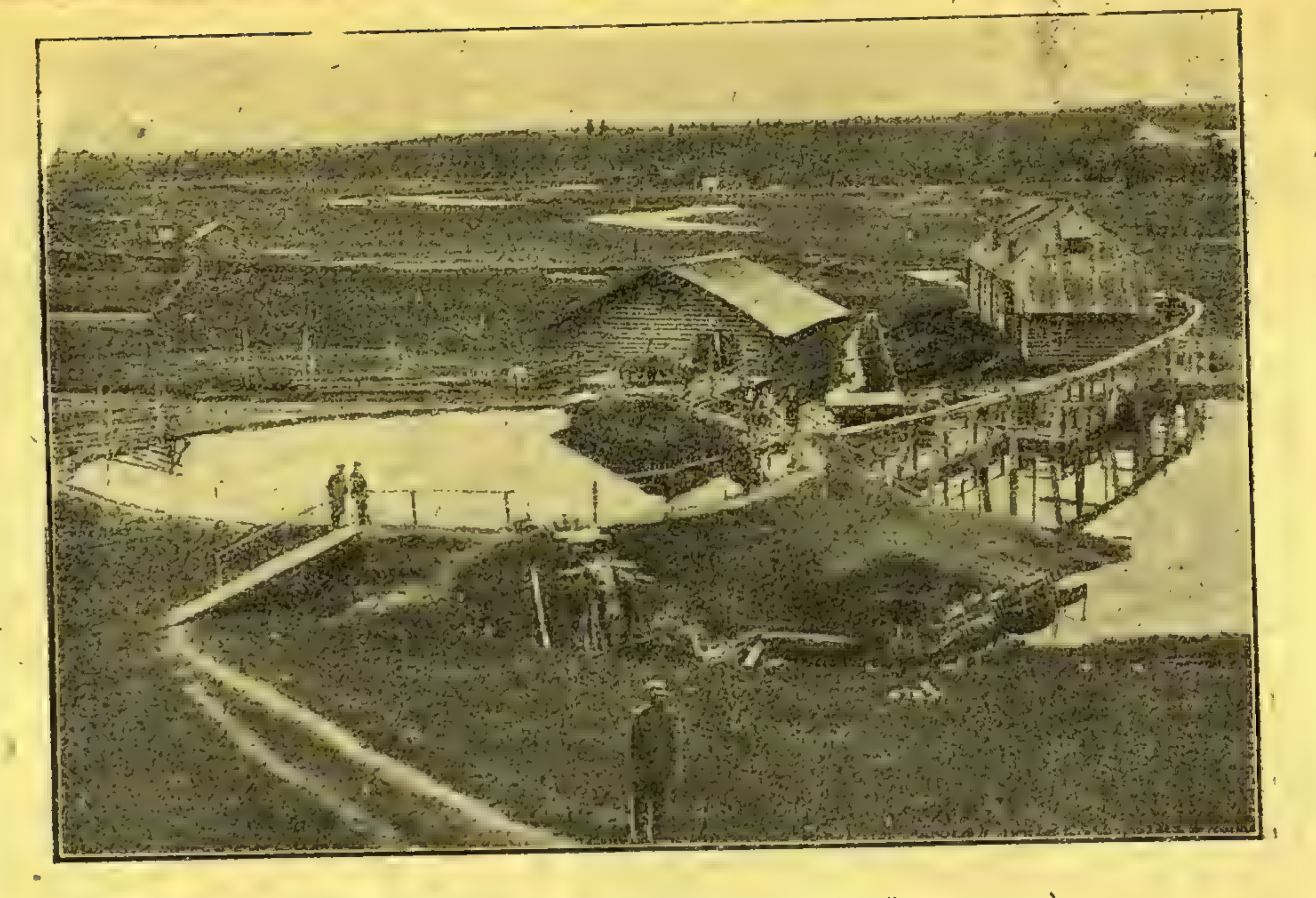
минеральной воде (радиоактивность 34 единицы) работает... мельница в один постав с обдиром. Источник имеет одно жерло с температурой в $2^1/_2°$ по Цельсию, не замерзает круглый год и выбрасывает 14.000 ведер воды в час. Из круглой воронки вода идет самотеком по жолобу в ванное здание, в котором десять ванн. Химический анализ воды, сделанный Ленинградским бактериологическим институтом, подтверждает возможность успешного лечения хронического ревматизма, артрита и женских болезней.

Мне приходилось подолгу беседовать с больными северянами и выслушивать чудеса о целебных свойствах воды Солонихи.

— Будь это в руках немцев, они бы этот курорт так разделали, любо-дорого посмотреть, — говорит мне один ревматик. — Третий год сюда езжу. Сами понимаете, как можно северянину — я сам из Архангельска — поехать за несколько тысяч километров на юг — в Крым или на Кавказ. Этот северный курорт — наше спасение. Полечишься месяц и потом до самой весны чувствуешь себя человеком.

В двухстах метрах от курорта имеется серный источник, пока не исследованный, с резким запахом серы, и кто поручится, что здесь, в Солонихе, через десяток лет не будет подлинной здравницы Севера.

Кругом, насколько может охватить глаз, заливные луга, с травой по самый пояс, да речки, ручейки и леса, молодые, старые и порой горелые.

Здравница Севера — Солониха (целебный источник).

— Северянин не любит леса искони. Он с материнским молоком всосал к нему ненависть, — рассказывал мне один северянин. — Лес не дает крестьянину насладиться даже скупым для Севера солнцем, лес отбирает луговые земли, в лесу прячется враг крестьянина, истребитель скота — медведь. Разбредется стадо по лесу — не собрать его пастуху. И очень часто пастухи сознательно жгут лес. В жаркие летние погоды, когда трава выгорает на солнце и хвоя желтеет и сохнет, лес — пороховой погреб. Брось спичку — загорится, вспыхнет. И сколько добросортного, строевого леса выгорает по летам на севере!

Во время половодья Северная Двина гигантской бороной перепахивает свое русло, создавая новые причудливые острова и отходя от старого русла на несколько километров.

Проходят годы, меняется местность, отмирают старые поколения, а Двина хоронит богатства севера, и его тайники отходят в область легенд и преданий.

ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

(ПО МУЗЕЯМ СЕВЕРА)

Нелегко приходится на севере очагам культуры — краеведческим музеям. И в Великом Устюге и в Архангельске на музей еще совсем недавно смотрели как на роскошь, и во всяком случае как на лишнюю статью расходов. В расчет не принималось, что школьные, заводские экскурсии — обыч-

ные посетители музеев—уносят отсюда новые познания о своем родном крае, шлифуют здесь свой пытливый ум в этой школе „наглядных пособий“.

Великоустюжский музей разбит на ряд отделов, строго разграниченных между собой. Здесь непревзойденные образцы работ по чернению местных мастеров Кошкина и Чиркова, мастерство которых

Санаторий (курорта) Солонихи.

и вкусы накоплялись веками из поколения в поколение. Древние вышивки местного рукоделия. Грамоты Ивана Грозного, Бориса Годунова, манускрипты времен летописцев. Расписанные устюжскими кустарями, покрытые лаком коробки не уступают работам палехских мастеров.

В музее хранятся обычного формата карманные часы, целиком выточенные из дерева, и запирающийся на ключик деревянный замочек величиною в кедровый орешек. Кости ископаемых мамонта и носорога, найденные вблизи Великого Устюга,

гигантские позвонки и ребра китов привлекают наибольшее внимание экскурсантов. При музее большая старинная библиотека по церковной архитектуре, картины полярного художника Борисова и других художников севера.

Коллекционные богатства архангельского музея во много раз превосходят велико-устюжский музей.

Все, чем богат север, представлено в архангельском музее. Породы камня, виды леса, растений и животного мира. Саженные бивни мамонта и огромные его зубы, кости и усы кита не помещаются в музее и выставлены в передней и даже на лестнице при входе.

Северянин узнает в музее, какие богатства таит с себе девственная, нетронутая еще лопатой человека Новая Земля. Здесь и самородная медь, и шифер слоистый, слюда и серебро-свинцовый блеск, аметист и горный хрусталь. В бассейне реки Печоры — каменный уголь и камень-доманик с реки Ухты, указывающий на близкое присутствие нефтеносной жилы. При музее богатый отдел природы.

Тесное помещение музея зимой не отапливалось, не было денег на ремонт печей. Экспонаты портились и гибли.

На местной таможне две кладовых были завалены музейными экспонатами из коллекции бывшего свитского генерала Посохова. Среди вещей — прекрасный восточный отдел, где представлены Индия, Китай, Япония и Персия. Старинные ковры, посуда,

Сухонские Жигули — Опоки.

древние иконы севера, резные работы по дереву, чем славился некогда край, ткани работы древних соловецких мастеров — все это было свалено на таможне с 1921 года и долго находилось без присмотра.

Необходимо отметить интересные макеты рыболовного отдела, собрание картин новоземельского художника—самоеда Ильи Тыко Вылки (акварель и масло), коллекцию самоедских идолов и подлинные документы М. В. Ломоносова.

Где-нибудь за границей одни только образцы филигранно-резной работы холмогорских кустарей из слоновой и моржовой кости или отдел цветной керамики севера, не говоря о нарядах и праздничных украшениях с кемскими жемчугами, стимулировали бы не только сохранение, но и расширение музея.

Музеи севера должны быть поставлены в надлежащие условия и должны сохранить свое высокое культурное значение в этом отдаленном и суровом крае.

ЧАСТУШКИ СЕВЕРА

Ничто так ярко не рисует быт и нравы народа, как его собственные песни, отшлифованные временем, и в особенности частушки.

На посидёнках, на больших деревенских гуляниях и праздниках в области Коми (зырян) и в части Северо-Двинской губернии, деревенская молодежь пляшет под эти частушки. Еще не всюду проникли громкоговоритель и граммофон, хотя по

реке Сухоне не редкость встретить радиомачты какого-нибудь любителя.

Знаменитый отныне коротковолновик Шмидт принимал сигналы о бедствии экспедиции Нобиле в этой же Северо-Двинской губернии.

Поются частушки севера монотонно, почти на одной ноте, отчаянной скороговоркой и на последней, четвертой строке голос вскрикивает задорно, весело. Частушки эти распевает молодежь, так что и рисуют они быт молодежи. В этом очерке отобраны лишь наиболее интересные в смысле бытовом или наиболее поэтичные — о любви.

Вологодские „качули" (качели)

Призыв в Красную армию — переломный момент в жизни деревенского молодняка, редкая девушка выйдет замуж за призывника:

У миленочка винтовочка
  — Не дом.
Кабы я была не дурочка,
Не думала об нем.

Последний год призывник пользуется особым вниманием и любовью окружающих.

Ветерочки подувают,
Пароходики нейдут,
Последний годик я гуляю,
Как цветочек берегут.

С большой чуткостью отмечается расставанье уходящего в Красную армию со своей любимой:

Вспомни горку, вспомни санки,
Вспомни, как каталися,
Вспомни первое свиданье,
Вспомни, как расстался.

Любовь наиболее поэтично представлена частушками.

Я кошу, валится на косу
  Зеленая трава,
Я люблю, а ты не любишь,
  Ягодиночка моя.
Ты зачем же завлекала,
Когда я тебе не мил,
Ты бы с осени сказала,
Я бы зиму не ходил.
Трудно карюшке на полюшке,
Тупая борона,
Трудно девушке без милого—
Чужая сторона.

В северной деревне распространена скрытая, потаенная любовь. В своей деревне нет интересных девушек, а в соседней—приглянулась. Парень ходит в ту деревню и „ведет“ тайную любовь,

чтобы не заметили местные ребята и не намяли бока.

Высоко сокол летает,
Перелеты делает.
В ту деревню парень ходит,
Незаметно делает.

Удаль и молодечество нередко переходят свои границы, смешиваясь с самым отчаянным хулиганством. Тут финки, гири и прочее оружие хулиганов.

Одевается хулиган „чисто“. Ухитряется порой достать темным путем даже золотые часы, чтобы привлечь к себе внимание деревни. Хулиганы только и ждут случая, чтобы с кем-нибудь связаться.

Нас побить-поколотить
В деревне собиралися,
Мы, ребята-ухорезы,
Того дожидалися.
Разве мы кого боимся
Разве испугалися?
Нам по шеюшкам давали,
Мы не нагибалися.
Пусть нас бьют и пусть колотят—
Есть на это доктора,
Наши раны все залечат.
Мы опять пойдем туда.

Упрямство хулиганов не знает удержу и границ.

Нам хотели запретить
По этой улице ходить,
Стену каменну пробьем,
По этой улице пройдем.

Попадает хулиганам изрядно, но в прок им это не идет.

Меня били, колотили
У реки на берегу,
Золоты часы разбили,
Тростку бросили в реку.
Захрустела голова
От елового кола,
Захрустели косточки
От железной тросточки.
Посмотри, моя мамаша,
Как меня облапали,
Четыре пули, два кинжала,
В голову заляпали.

Не всегда безнаказанно все сходит хулигану, и часто он отсиживает сроки в исправтруддомах. В частушках слышится его покаяние.

Вы, кинжалики, кинжалики,
Точеные ножи,
Довели меня кинжалики
До каменной стены.
Самогоночка сгубила,
Жизнь тюремную дала.
За железною решоточкой
Сижу, молодчик, я.

Загнанный хулиган доходит до полного отчаяния:

С горушки на горушку,
Да на каменную,
Отсеките мою голову,
Отчаянную.

Хулиганы немногочисленны, но организованны. Они всегда собираются шайками и терроризуют

остальную, хорошую, но неорганизованную молодежь.

Наша маленькая шаечка,
Гуляй, не унывай!
Нашу маленькую шаечку
Никто не задевай.

Октябрьская революция внесла новые веяния в деревню. Молодежь стала требовательна, не удовлетворяется существующими укладами жизни, ищет нового и в первую голову изгоняет из дома богов.

Тятька гонит самогон,
Чтоб залить кручину,
Сын добрался до икон,
Щеплет на лучину.
Не пойду на посиденок,
Я не милка Сенина.
Заведу я граммофон,
Буду слушать Ленина.

Родители не согласны с запросами своих детей. Между молодняком и стариками намечается разлад. Молодняк уходит в город на заработки и заживает самостоятельной жизнью.

Вы, родители, родители,
Пустите со двора,
Не поймете вы, родители,
Что новая пора.
Меня дома-то ругают:
Худо роблю, шибко ем,
Дайте белую котомку,
Я уйду, не надоем.
Не браните меня дома,
Меня не за что бранить,
Мое дело молодое,
Мне охота походить.

В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Потонули в синеве высокие трубы лесопильных заводов, расположенных в устье Северной Двины. А вот и Архангельск.

На пристани нет извозчиков; в городе всего лишь одна гостиница и та с клопами. По случаю

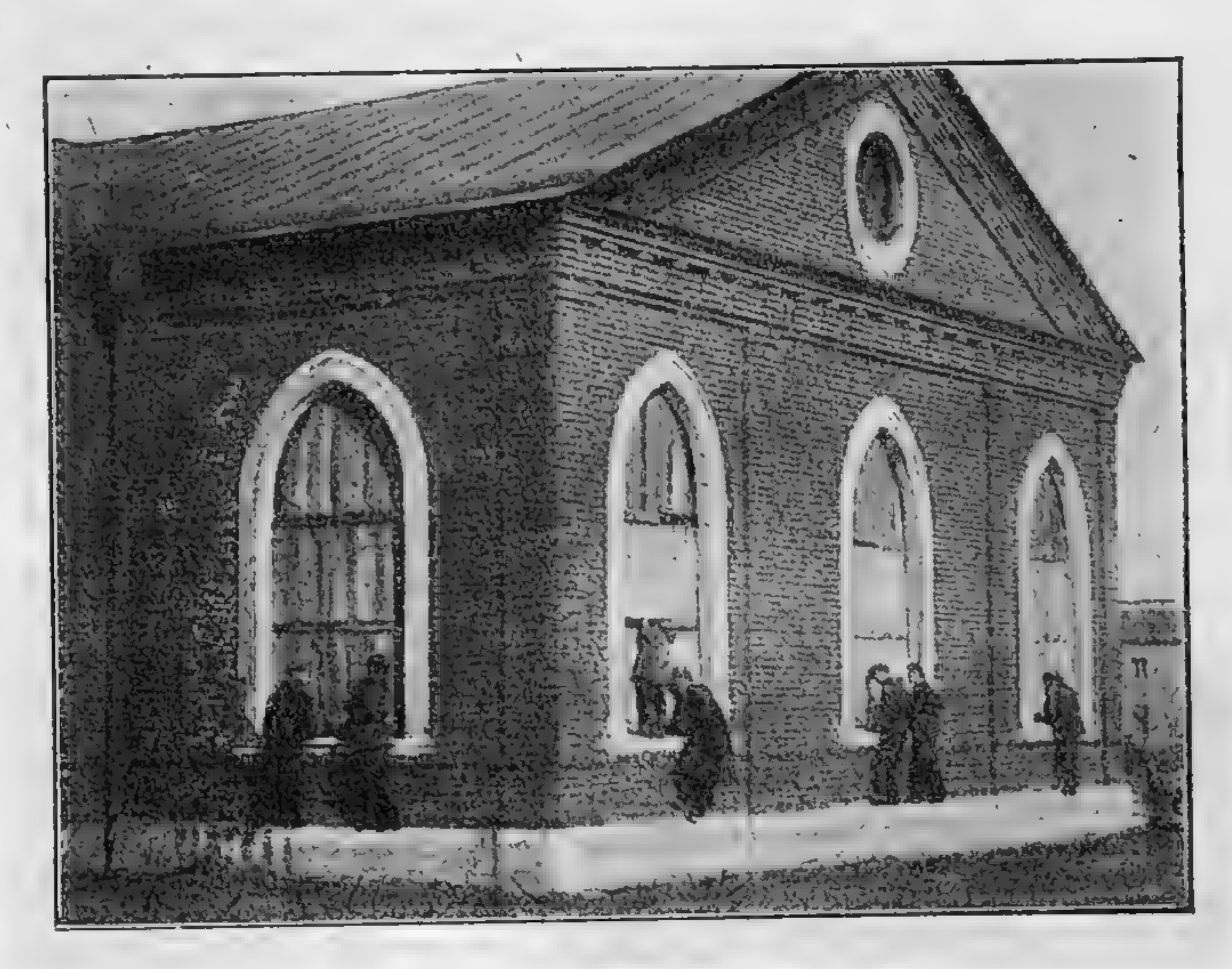
Северодвинские лесорубы.

лесного совещания в гостинице ни одного свободного номера.

— Может быть, к вечеру освободится одно местечко в общежитии на шесть человек, — обнадеживает конторщик гостиницы.

В городе несколько хороших магазинов, театр, кино, краеведческий музей, домик Петра I и невероятное число пьяных.

Домик Петра I, перенесенный сюда из близлежащей Новодвинской крепости, находится в кирпичном футляре, в довольно хорошей сохранности. Под футляром домика — петровская карета и статуя Петра, снятая с близлежащей площади. В самом

Домик Петра I.

домике убранства нет, и местный музей намерен поместить туда экспонаты конца XVII и начала XVIII столетий.

Поблизости от домика высится памятник героям революции, замученным интервентами и контрреволюционерами. Невдалеке памятник Ломоносову. Бронзовый Михаил Васильевич уже около ста лет стоит босиком, прикрывшись простыней, играет

на арфе, подслушиваемый херувимом. Бездарнейший памятник талантливейшему самородку!

Если от памятника пройти шагов сто, попадешь в порт, имеющий протяжение причальной линии— свыше шести километров, и тринадцать километров береговых укреплений (самый большой порт в мире, Лондон, имеет около 200 километров причальной линии). Архангельский порт все ценное из своей гражданской архитектуры строит из камня или бетона. В 1927 г. был сооружен первый железобетонный пакгауз, емкостью до полуторы тысячи тонн. В 1928 году пущен в ход технически прекрасно оборудованный деревообделочный цех судоремонтных мастерских. Строится железобетонное здание для центральной материальной базы в 1 000 *кв. м* полезной площади, так называемое сооружение второго класса, долговечное, устойчивое и безопасное в пожарном отношении.

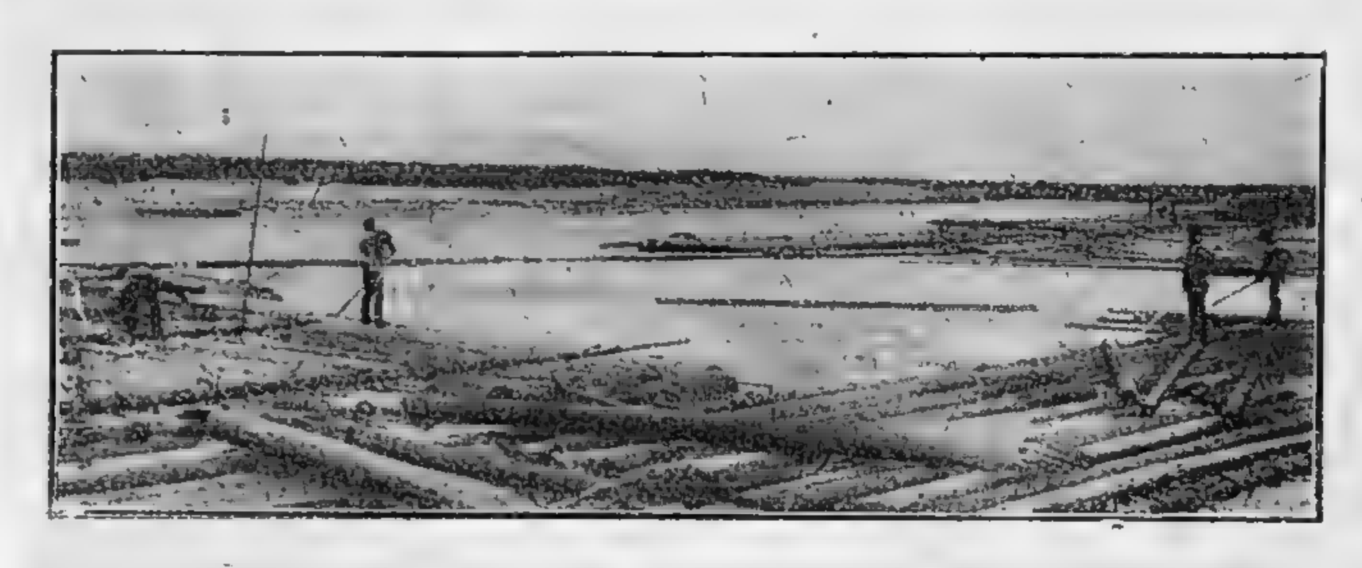

Мудьюгский маяк близ Архангельска.

Гордость порта — 150-тонный, самоходный пловучий подъемный кран. Он бесподобно красив и

мощен в работе; подхватывая колоссальной тяжести грузы, с нежностью няньки опускает их в трюмы уходящих в срочные рейсы пароходов.

В порту занято 1 300 рабочих и служащих, не считая целой армии грузчиков, работающих особо.

Гоньба экспортных плотов в Архангельске.

В 1927 году заграничный грузооборот архангельского порта равнялся миллиону тонн. В 1928 году грузооборот увеличился на 30%.

Порт ведет борьбу с жилищным кризисом портовиков. Уже построено три дома для рабочих и служащих порта. Свыше 400 рабочих и служащих с семействами разместилось в этих домах.

— Нам нередко приходится платить валютой за простой иностранных пароходов из-за пьянки грузчиков, — говорит главный инженер порта. — Не во-время погрузишь — плати за простой. И платим. Часто из-за неналаженности погрузки пароход срочного рейса задерживается в Архангельске на целые сутки и более — вот почему решено приступить к скорейшему устройству двух кон-

вейеров и двух транспортеров для механической подачи грузов в пакгауз и обратно на суда.

Иностранцы приезжают сюда за лесом. Их пароходы стоят вверх по Северной Двине у лесопильных заводов, нагружаясь по ватерлинию нашим строевым, полноценным лесом. В 1927 году в заграничном плавании находилось 369 судов, в малом каботаже—426. В 1928 году в заграничном плавании—550, в малом каботаже—500 судов. Самое горячее время порта — сентябрь — октябрь, когда в порту скопляется до 80 иностранных пароходов, которых здесь зовут сокращенно „иностранцами".

Новодвинская крепость в устье Северной Двины едва дожила своими седыми камнями до нашей эпохи. Она была воздвигнута еще Петром. Два с четвертью столетия тому назад судостроение на Соломбальской верфи в Архангельске было в полном разгаре. И в одно из своих посещений Архангельска Петр I сам отправил за границу судно с русским грузом.

Петр охладел к Архангельску, найдя другое окно в Европу — теперешний Ленинград. Но за Архангельском и до сих пор сохранились большие экспортные возможности.

ЗА ВОЛЬЕРАМИ

Маленький пароход пригородного сообщения целый час идет по широкому простору Северной Двины от Архангельска вверх по течению до 12-го километра. Но и на таком утлом пароходишке

имеется красный уголок, организованный командой. В уголке — газеты, журналы, плакаты и две маленькие тетради с своеобразной викториной. Вопросы задают пассажиры, ответы даются командой не позднее суток. Вопросы—самые разнообразные.

— Почему на пароходе № 12 нет у бака кружки?

— Бак был в ремонте, в виду этого.

— Почему бюрократов много?

— Потому, что рабочие плохо с ними борются. В каждом отдельном случае обращайтесь в РКИ.

Импровизированная пристань на 12-м километре обещает будто бы конец нашему водному путешествию. Но это не так. От пристани начинаются болота и топи. В высоких болотных сапогах, которыми меня снабдило местное отделение Госторга, черепашьим шагом километров шесть пробираюсь к зооферме пушных зверей Госторга близ села Ширши.

Накануне прошел обильный дождь, и деревянные мостки, по которым только и возможно попасть к питомнику, лишь кое-где выглядывают из воды. Сапоги Госторга не выдерживают ни воды, ни критики. Ноги мокнут и вязнут то в глинистой, скользкой, то в илистой почве.

Когда-то, при Петре I, здесь стояли заводы. Бревенчатые части могучих запруд и до сих пор торчат из озерной воды, словно буреломм. Озера сейчас наполовину спущены и представляют собой подлинно гиблое место, облюбованное комарами.

Ведь надо же было выбрать этакое место для серебристо-черных лисиц и голубых песцов—обитателей зоофермы! И если у них есть свой язык, то они проклинают не только наших отечественных головотяпов, но и немца Розена, впервые свыше двадцати лет назад основавшего здесь питомник.

Тяжела жизнь самоотверженного персонала в этом гиблом месте!

Представитель знаменитого Гагенбека—Розен—по совершенно неизвестным причинам выбрал место для питомника именно под Ширшей. Он сам закончил свое существование трагически, утонув вместе с женой и прислугой в одном из озер, окружающих питомник.

За проволокой вольеров (обширных загородок) в 1928 году воспитывались 100 взрослых и 84 молодых зверя. Заграничных взрослых серебристо-черных лисиц—69, наших серебристо-черных—18, из них 3 „сиводушки" (среднее между красной и черной лисой), 12 голубых песцов и один белый песец.

В 1929 году на Ширшенской зооферме было уже 178 серебристо-черных лисиц; из них 93—молодняк—приплод последнего года. Кроме того, около двух десятков чернобурых лисиц, сиводушек и голубых песцов живут в „старом питомнике" зоофермы.

Молодой зверовод, товарищ Щеголев, преданный своему делу и любящий его, знает каждого зверя „в лицо", и каждый зверь знает своего зверовода. Некоторые издали приветствуют его

особым взвизгиванием и идут к нему, точно собаки. Лисица очень пуглива, и к ней необходим особый подход.

— Ходишь к ней почаще,—рассказывает Щеголев, — разговариваешь, пусть привыкает к челове-

Серебристо-черная лисица.

ческому голосу, к шуму. Иной раз заставишь поголодать, чтобы лучше шла. Бывали случаи, когда лисица, испугавшись, затаскивала своего лисенка насмерть, пытаясь куда-нибудь спрятать от предполагаемой опасности и мечась с ним по вольеру. У такой испуганной лисы приходится отнимать лисенка. Возьмешь его к себе на квар-

тиру, спишь с ним на одной кровати—он быстро приручается и ходит без цепочки за тобой повсюду.

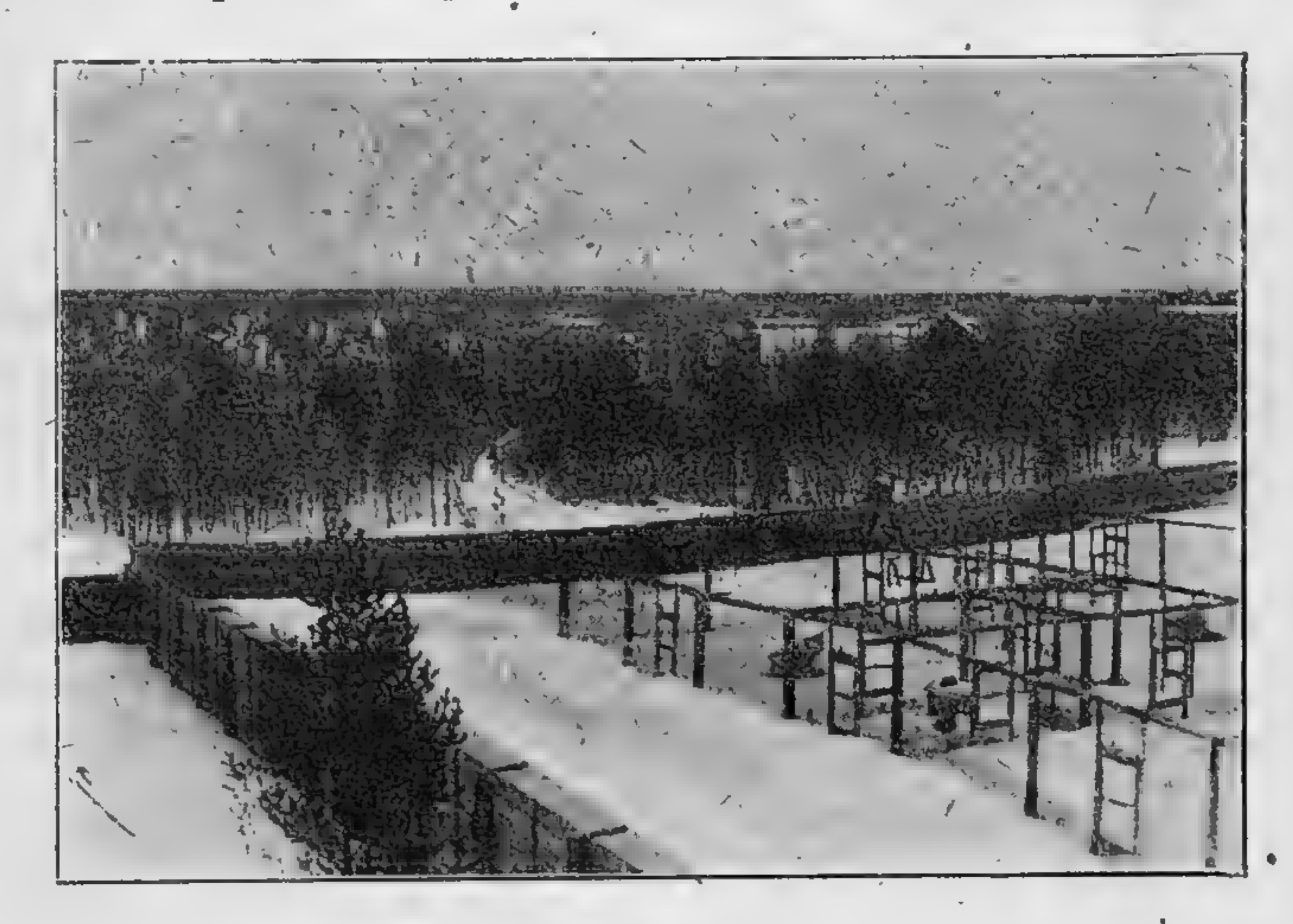
Каждая серебристо-черная лисица в зимнее время расценивается в полторы тысячи рублей; зооферма — огромная ценность. Зверей кормят обедом из трех блюд, в которые входят тюленина сушеная, молоко с сухарями, фарш мясной, бисквиты. Прокормить зверя стоит десять рублей в сутки. Однако доктор Шмидт, специально приглашенный сюда из Германии, был недоволен; он считал необходимым кормить питомцев так же, как кормят в немецкой ферме: голубями, шпинатом и прочими деликатесами.

— Еще совсем недавно, — говорил доктор Шмидт,—мы полагали, что питомники послужат местом колоссального размножения ценных пушных зверей. Но у вас, в России, звери, выращиваемые в питомниках, не успевают увеличивать их населения, поступая „на племя" во вновь организуемые на местах питомники.

По дрожащему тесовому настилу вдоль вольеров иду с звероводом смотреть его воспитанников, которых он называет по имени и которыми гордится. Черные лисицы выбегают из своих дощатых домиков, проносятся раз—другой по вольеру и ловко прыгают в свою конуру. Молодой серебристо-черный лисенок, напоминающий мишку-игрушку, которую покупают детям, с любопытством рассматривает нас.

Сетка вольера со слишком широкой ячейкой представляет возможность лисенятам убегать через

них, а большие лисицы подвергаются опасности (особенно во время течки) быть загрызенными соседями. Обилие в районе питомника хищных птиц — коршунов, ястребов, подорликов, сов, не говоря о воронах, которые покоя не дают

Вольеры.

обитателям питомника, грозит бедой, обязывает администрацию питомника обзаводиться сетчатыми крышами над вольерами.

Необходимы верный хозяйский глаз, настойчивое желание и большая любовь к звероводческому делу, чтобы зооферма имела подлинное всесоюзное, хозяйственное значение.

БЕЛОЕ МОРЕ

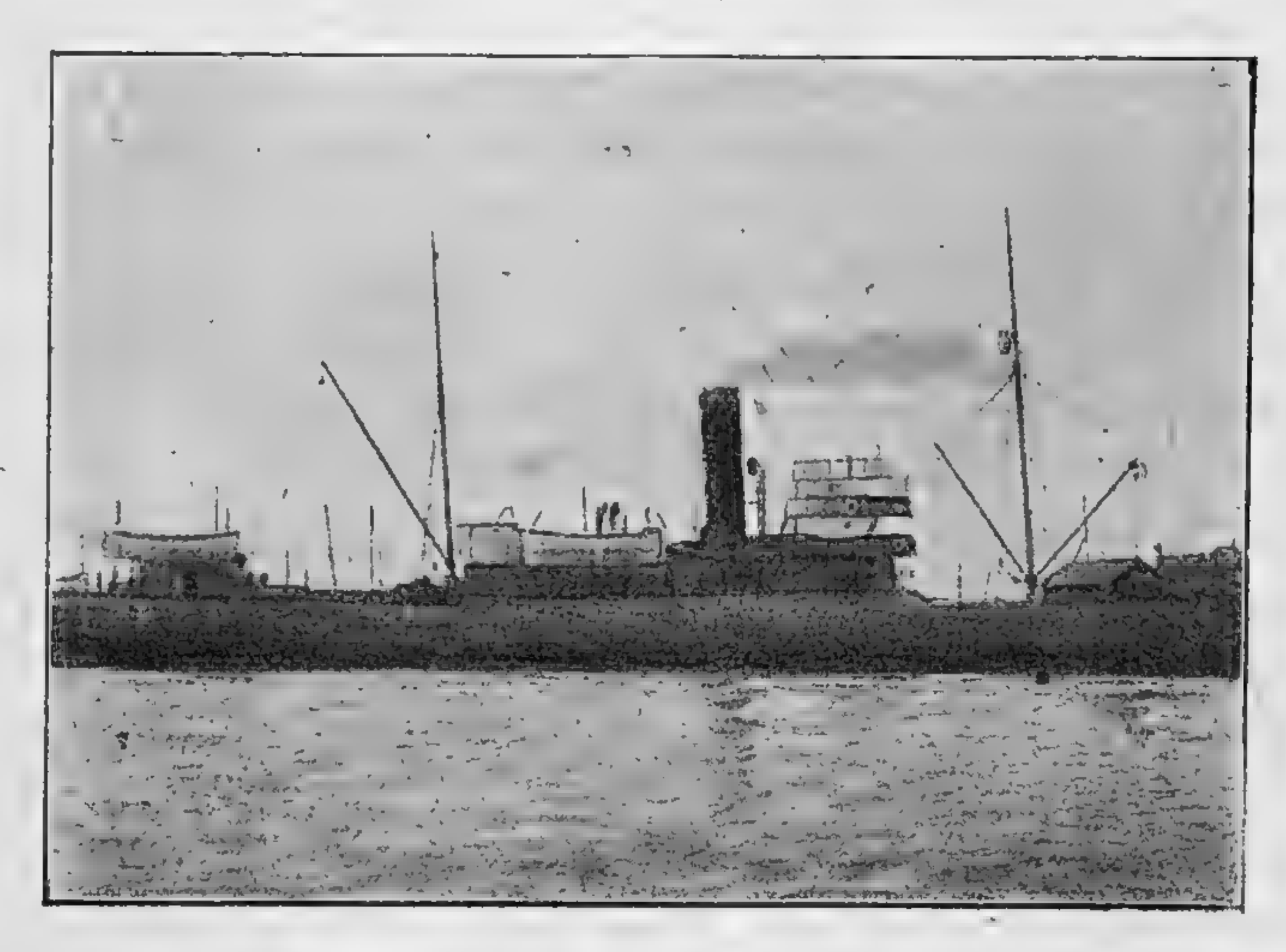
НА БАНКЕ

Во время империалистической войны царское правительство купило в Канаде ледокольный пароход „Bellaventur“, переименованный впоследствии в „А. Сибиряков“.

Александр Михайлович Сибиряков, в честь которого назван ледокольный пароход — сибирский богач, уроженец города Иркутска. В 1876—1878 гг. Сибиряков поддерживал экспедицию Норденшельда, для розысков которого отправил в 1879 г. свой пароход, и дал средства А. В. Григорьеву произвести ряд исследований в Северном Ледовитом океане. В 1880 г. сам сделал попытку пройти в устье Енисея через Карское море и описал свое путешествие. Именем Сибирякова назван остров против устья Енисея под 79° восточной долготы от Гринвича и 73° северной широты.

В годы войны „Сибиряков“ плавал по Белому морю и провозил снаряды и военное снаряжение, ломая льды. Теперь „Сибиряков“ служит для зверобойного промысла. Два раза в год он забирает с собой зверопромышленников-поморов, человек до ста, и уходит за зверем (так здесь зовут безобидного тюленя),

В горло Белого Моря для щёнки приходит тюлень издалека, откуда-то с крайнего севера, колоссальными стадами и набивает своими тушами трюмы ледокольных пароходов. Случается, что льды затирают пароход, но особая металлическая броня

Ледокол „Сибиряков".

по всему борту „Сибирякова" не боится льда. За два рейса „Сибиряков" привозит до 40 000 тюленей.

Осадка корабля глубокая, и его не принято посылать в пассажирские рейсы. На этот раз, за недостатком судов, в рейс Архангельск—Кемь—становище Кольского полуострова—Мурманск, был пущен „Сибиряков".

Перед рейсом команда „Сибирякова" сменилась почти на 90%. Из старых работников оставались:

капитан, первый и третий штурманы да старший механик.

Капитан „Сибирякова“ к отправлению судна не явился, и оно было отправлено со старшим штурманом до близлежащей экономии, где на пароход должен был вступить капитан Бурке.

Переброски капитанов с парохода на пароход и стопроцентная текучесть пароходных команд — здесь явление совершенно обычное.

Из-за острого недостатка перевозочных средств вся палуба „Сибирякова“ была загружена ёлами (морскими лодками морского, норвежского типа) и строительными материалами, следовавшими на Мурманск. Вдобавок, на пароход посадили около ста пассажиров, да еще в такое логово, в котором соглашаются ехать лишь зверобои на промысла.

Первый день плавания продержалась отличная погода. Не верилось, чтобы на севере, почти за полярным кругом, так припекало. Отошли из Архангельска в пятницу, и, по местным приметам моряков, хорошая погода, начавшаяся в пятницу, должна простоять целую неделю. Ушел остров Жижгин, скрылись Анзерские острова, затянуло синевой и маяк на Секирной горе, исчез и весь Соловецкий архипелаг, хорошо видимый в цейссовский бинокль.

В Кеми (вернее, на Поповом острове) была большая стоянка из-за приемки муки на Мурманск. Восход солнца с оранжевыми, розовыми, палевыми и бирюзовыми кругами над горизонтом был

поразителен. Красками север ничуть не беднее юга, только краски его торжественно-суровей.

В ночь на море выпал густой туман (молоко), сквозь который едва различался нос корабля. „Сибиряков“ шел медленным ходом и через каждые

Елы — морские лодки норвежского типа.

две — три минуты давал тревожные сигналы. Вдруг судно застонало и раза три скрипнуло, словно кто-то тяжелым, гигантским напильником прошелся по мостовой. Ручка телеграфного управления на капитанском мостике прозвенела „стоп“ и „полный задний ход“, но было уже поздно.

Напрасно в 2 200 лошадиных сил запряг машины парохода старший механик и в мыло пенил мор-

скую воду. Пароход, видимо, крепко сел на банку (так именуются подводные камни) и не двигался с места. Это было в полную воду. Тут же после аварии вода стала убывать.

Только-что вернувшиеся с вахты кочегары, лежа после горячего душа на койках, в кубрике, переговаривались между собой:

— Небось, позовут на авральную[1] работу?

— Аврала не будет! Сам слезет! Не в первый раз садиться.

— „Сибиряков", он привычный, как сел, так и слезет!

— Нет, вряд ли самому слезть. Начнется отлив, обсохнет и повалится на борт.

— Не повалится! В крепкую подставлен, сразу — на три банки. Слышь, кормой и носом и середкой бьет о камни.

— Здесь многому научишься, — говорил молодой практикант водного техникума, — а пуще всего, как становиться на банки.

— „Сибиряков" — он их любит. Он каждый год садится на банки, — отзывался кочегар с верхней койки.

— Братишки, ложусь спать, — заявил один из кочегаров, у которого обе руки и вся грудь представляли собою музейную витрину татуировок всех стран. — Когда начнут рубить концы[2] — не забудьте разбудить.

---

[1] Работа всех вахт по спасению судна.

[2] Речь идет о канатах, крепящих спасательные шлюпки.

В его словах не было и намека на рисовку—матрос заснул через три минуты и храпел на весь кубрик.

В полутемном из-за скудного света иллюминаторов салоне я беседовал с врачом, случайно попавшим на это судно. Вдруг что-то ударилось о стену салона, и неожиданно зажглась люстра. На выключателе особого устройства (нажим сверху вниз) висела мокрая, дрожавшая крыса. Она, видимо, вспрыгнула на буфет, оттуда на выключатель, испугавшись неожиданно появившейся в трюме воды.

— Плохое предзнаменование. Может быть, и нам пора собираться, — сказал мой собеседник.

Пассажиры с молчаливым, северным любопытством повылезли из своих нор на палубу и, облокотившись на поручни, смотрели вниз на мраморно-зеленую пену морской воды, вздыбленную мощным пароходным винтом.

Туман понемногу рассеялся, и всего в одной миле от нас показались неясные очертания берега.

— Ишь, врезались-то как! Прямо в самый берег,— разглаживая бороду, говорил кряжистый старичина-помор в высоких сапогах с отворотами. — В аккурат, как из пушки! Учение, книги—это одно, а практика—вещь другая,—сплюнул в сторону помор.

— Течением отнесло. Компас врет. Девиация была сделана неточно, без меня,—говорил мне капитан Бурке. — Плыли по старой карте. Но всего обидней врезаться на банку мне, неаварийному капитану, проплававшему двадцать один год без аварий.

— Руль право на борт! — командует капитан.

— Есть право на борт! — принимают команду.

— Прямо руль!

— Есть прямо!

— Руль лево на борт!

— Есть лево!

Спокойно командует капитан Бурке, будто бы ничего и не случилось, и это особенно действует на всех матросов и пассажиров.

Ручка телеграфного управления поворачивается с полного назад на полный вперед, а волна все бьет о камни пароход, стучит его железная грудь, скрипит просмоленный настил, звенит в кают-компании посуда.

— Заноси якорь с левого борта!

— Трави канат!

— Какая глубина под кормой?

— Обмерить кругом корабля!

Шлюпку с третьим штурманом, молодым и отчаянным Ищенко, заводящим малый якорь, бросает на волнах, как щепку, захлестывает волной.

— Пятнадцать! Четырнадцать! Двенадцать! Семнадцать! — доносится с лодки голос промеряющего глубину штурмана.

Туман окончательно рассеялся, и перед „Сибиряковым“ на расстоянии одной лишь мили вырастает деревушка (по карте „Стрельна“) на Терском берегу, и маячит рыбачий карбас. Чья-то рыбацкая лодка приближается к кораблю. Может быть, из любопытства, а может быть, с целью оказать помощь. Ни то, ни другое. Приехали продать наловленную у берега семгу. В прошлом году здесь какой-то норвежец напоролся на банку, и рыбаки

рублей триста выручили с аварии, кормя семужкой команду парохода. Сибиряковцы берут семгу нарасхват.

Начался прибой. Шумней и настойчивей бьет волна, содрогается „Сибиряков“. Все с надеждой смотрят на прибывающую воду — быть может, она поднимет судно, избавит пассажиров от крена в 20 градусов, когда почти невозможно стоять и в особенности есть: ничего прямо не поставишь.

Радист „Сибирякова“ три часа просидел в радиорубке и тщетно вызывал Архангельск, который преотлично спал. Наконец-то телеграмма „Сибирякова“ о бедствии была принята Архангельском. Архангельск сообщил о выходе на помощь буксирного парохода „Поной“. Поной придет часов через восемь, а к тому времени корабль, быть может, будет лежать на борту.

При каждом новом ударе волны судно кряхтит, стонет и наводит тоску даже на животных. На палубе заливается, воет чей-то пес, и отчаянно мычат коровы-холмогорки, печальные путешественницы из Архангельска в Мурманск.

Прибылая вода стала заносить корму влево.

— Полный вперед, — звенит ручка телеграфа.

Канат якорька вздрогнул, и мы подтянулись к якорьку, скрипя по банкам.

— Пошел, пошел, — закричали с палубы.

Вдруг снова треск, еще более сильный, чем в первый раз.

Судно село на новую банку самой своей серединой. Ни для кого уже не было секретом, что как

только вода спадет и корабль „обсохнет“, он клюнет либо носом, либо кормой на дно.

Капитан Бурке не сдается. Еще есть с десяток минут до начала спада воды. Опять около бортов кричат со шлюпок о глубине.

— Полный вперед!

— Полный назад!

— Лево на борт!

— Право на борт!

И вдруг заскрипело судно, сорвалось с банки и пошло в море.

— Идет! Идет! — закричали весело с палубы.

— Пошел! Пошел! — радостно просветлели лица.

„Поною“ была отправлена радиотелеграмма: „Снялись сами“.

ПСИХ

Белой ночью, когда светило полуночное солнце ледокольный пароход „Сибиряков“ шел к Терскому берегу по кемско-мурманской линии. За недостатком мест капитан парохода поместил меня в „штурманскую комнату“, рядом со своей каютой. Когда „Сибиряков“ подошел к становищу Поной, все пассажиры давным-давно спали. „Сибиряков“ дал протяжный гудок, вызывая лодку для того, чтобы спустить на берег одного пассажира. Вслед за гудком, будто над ухом, кто-то неистово прокричал: „кар-ра-а-ул!“ Я вышел на крик.

У штурманской комнаты, спокойно разговаривая, стояли капитан, старший механик и старший штурман. Вдруг кто-то схватил меня за рукав:

— Товарищ, вы корреспондент? Спасите! Меня хотят убить! Спрячьте меня в своей каюте!

Никто из присутствующих не засмеялся, и лицо матроса, произнесшего эти слова, было слишком встревоженно-серьезно, чтобы заподозрить шутку.

Мы вошли с матросом в каюту капитана.

— Товарищ, — обратился ко мне матрос. — Можете ли вы предъявить мне ваше удостоверение?

— Так вы действительно корреспондент, — сказал он, внимательно рассмотрев мое удостоверение. — Мне про вас в кубрике кочегары сказали. Я верю только вам и капитану, больше никому на всем судне, — продолжал он, — спрячьте меня поскорей, а то убьют, убьют...

— Кто вас убьет? — спросил я. — За что?

— Понимаете, товарищ, — он оглянулся по сторонам, — тут дело все из-за одной шмары. Она на берегу осталась. Там в кочегарке сидят двое; они убьют меня.

— Да бросьте вы эту шмару, далась она вам! Пусть их с нею занимаются, — сказал я, чтобы успокоить собеседника. — А вы пока-что выпейте стакан воды, успокойтесь!

Матрос медленными глотками выпил стакан воды, но не успокоился, а наоборот, стал озираться по сторонам еще пугливей; посмотрел мне пристально в лицо, словно испытуя, выбежал за дверь, потом вернулся стремительно в каюту.

— Товарищ, — обратился он ко мне, — я знаю, что они все равно убьют меня. Запишите, пожалуйста, мой адрес. Сообщите родным после моей смерти.

Не успел я записать его адрес, как вдруг он опрометью выбежал из каюты, словно за ним погнался кто-нибудь.

— Запсиховал парень, — объяснял мне один из кочегаров. — Он — бичкомер архангельский — безработный матрос. Ехал без билета, в угольной яме двое суток прятался. В Кеми вылез из ямы, попросил шамовку. Мы его накормили. А вечером стал прятаться за мою спину. Все просил, чтобы защитили его. Псих! Среди моряков это бывает. Больше с перепою, конечно. Он на берегу целых две недели пьянствовал...

— Пойдем я тебя в яму сведу, — предложил старший штурман психовавшему, опять показавшемуся на палубе.

— Нет, туда я не пойду, — и он замотал головой. — Там найдут, убьют и выбросят за борт, никогда никто и не узнает. Спрячьте меня в своей каюте, — просил псих.

— А в ванную пойдешь? — спросил штурман.

— Она запирается?

— Да.

Психа заперли в ванную комнату, штурман полез в карман за ключами.

— Выньте руку из кармана! — завопил вдруг псих не своим голосом. — Вы хотите меня застрелить! Вы ответите за меня!

Несколько минут он спокойно сидел в ванной комнате, затем вдруг принялся стучать с невероятной силой.

Решили окатить его холодной водой из брандспойта и тем успокоить.

— Он у меня целую склянку валерианки вылакал, и все ни к чему, — говорил третий штурман.— И что только смотрел контроль в Архангельске при посадке? Теперь возись с ним! Его надо обязательно связать, — обратился третий штурман к старшему. — А то он такого натворит, во-век не разберешься. И зачем только посадили его в ванную? Теперь все искрошит вдребезги, а потом отвечай собственным карманом.

Стук в ванной комнате становился все отчаянней и громче. И вдруг вылетела с треском филенка двери, а вслед за ней выпрыгнул псих с водопроводной трубой в руке. Он замахнулся ею, и еще секунда — не бывать бы старшему штурману в живых. Счастье его — отвернулся во-время. И вместе с трубой псих выпрыгнул за борт в море.

„Сибиряков“ стоял на рейде. До берега было свыше мили. На море играла световыми пятнами мертвая зыбь, и вода была серебристо-холодной.

— Не проплывешь долго, загнешься, — кричал ему вахтенный матрос, бросая спасательный круг.— Хватай круг-то, куда прешь, парень!

Псих закричал что-то в ответ, но слова его отнесло в сторону ветром.

— Эй, парень, держи круг-то, легче плыть будет! Тогда тебя никто не убьет,—кричал ему один из кочегаров, за чьей спиной он спасался ночью. Но псих, догадавшись, что его притянут обратно на судно, как только он ухватится за круг, шарахнулся от него в сторону.

— Вы меня не возьмете, — кричал псих, рассекая зыбь.

Плыл бичкомер отлично, вызывая восторги собравшихся на палубе матросов. Вахтенные долго канителились у шлюпбалок, на которых была подвешена спасательная шлюпка.

Часа два простоял „Сибиряков“ на якоре в ожидании шлюпки, ушедшей искать психа. Но ни на воде, ни на берегу найти не могли. Шлюпку приняли на борт, а псих так и не вернулся на судно.

— Загнулся, — докладывал капитану один из вахтенных матросов, выезжавших спасать человека.— Течение у самого берега переменилось — его и захлестнуло волной. А потом в одежде не развернешься. Он вчера только нам помогал, когда мы на банке стояли, а ночью вдруг запсиховал. Сел ко мне на койку и говорит: „Слушай, товарищ, братишечка, темнеют мои глаза. Должно быть, умру я сегодня“. Документы мне свои передал. Они у меня в кубрике остались. А потом стал просить, чтобы все ящики в кубрике раскрыли. Стал он шарить, убийц искать. Хмелевик у него. Его бы, конечно, связать и больше ничего. Он к вечеру и вошел бы в норму.

— Придется акт составить, — сказал старший штурман. — Зеркало разбил, дверь изуродовал, иллюминатор повредил и меня чуть не грохнул.

— Ну и рейс, чорт возьми! — сказал капитан. — Действительно, какой-то „ералашный“ рейс. Вчера на банке стояли, сегодня потеряли человека.

БАРЕНЦОВО МОРЕ И КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

НЕЗАМЕРЗАЮЩИМ МОРЕМ

Слово „мурманский“ — испорченное слово „норманский“ или, по норвежскому произношению, „нурманский“. „Мурманами“ в средние века русские называли норвежцев. О первом русском поселении на Мурманском берегу, Коле, впервые упоминается в летописях еще под 1264 годом. В 1497 году русские воевали со Швецией. Воеводы пошли в поход суровой зимой. Один отряд двинулся сухим путем, другой — с Северной Двины, „морем Акианом да через Мурманский нос“.

Поиски северного, более короткого пути из Европы в Китай приводили не раз английских мореплавателей к русским берегам. Так, в 1553 году английский капитан Ченслер, командированный обществом английских купцов для поисков кратчайшего пути в Китай и Индию, укрылся от шторма в норвежском городке Вардэ, неподалеку от теперешнего Мурманска. В 1555 году тот же Ченслер с четырьмя кораблями попадает в Холмогоры и, обласканный дальновидным политиком Иваном Грозным, возвращается в Англию уже

вместе с царским послом Осипом Непея, при котором была свита в шестнадцать человек. Заход Ченслера в русские воды и положил начало русско-английской торговле.

У берегов Мурмана проходит благотворная ветвистая „океанская река" Гольфштрем. Гольфштрем гонит сюда тепло и тепловодную рыбу; море здесь никогда не замерзает.

Блестят на полярном солнце скалистые берега Мурмана. Их суровые скаты поросли мхом, голубелем, клюквой да приниженно ползущей по грунту карликовой березой. На голом камне где-нибудь в ложбине нанесло ветром илу, песку, прикрыло снегом, а через год зазеленел мох, за ним и ягода и карликовая береза. Почва — либо голый, звенящий под ногами камень, либо пружинит, зыблется, словно торфяное болото.

На Терском берегу, в становище Золотая, матросы с корабля ловили треску на поддев. Предлинная крепкая бечева с большим металлическим крючком и грузилом опускается с корабля на дно моря. При небольшом терпении после нескольких вздергиваний бечевы уже чувствуешь, что зацепил рыбу. Вытягиваешь из воды бечеву, и на ней — треска весом до двух килограммов. Ее так много и, как говорят поморы, она так глупа, что без наживки (приманки) идет на крючок, играя с ним как с блестящим привлекающим внимание предметом.

Самое крупное становище по Мурманскому берегу — Териберки—расположено в хорошо защи-

щенной от ветров глубокой бухте. У берега тянется широкая песчаная полоса, а за нею громоздятся красноватые скалистые массивы с белыми полосами снегов, не успевших растаять даже в июле.

В Териберках — электрическое освещение, телеграф, двухэтажные постройки и маленький, но универсальный магазин. Тресковые головы тысячами штук сушатся на улицах становища, подвешенные на перекладинах; особенный, терпкий запах сушеной трески одуряет с непривычки. Сухую треску варят и иногда молотят на муку, которая идет в пищу вывезенным на север коровам.

Деревянные дома Териберок стоят на правильно распланированных улицах. Основное население — колонисты, а поморы приезжают сюда лишь на сезон для ловли трески, сельди и пикши. На реке Териберке, возле водопада, ловят заходящую сюда семгу, или семужку, как ее здесь ласково называют поморы.

„Сибиряков" отдал якорь близ Териберской пристани в тот день, когда в становище была большая радость. В бухту зашла тьма-тьмущая сельди и переполошила все становище. Мертвый, пустынный берег вмиг оживился, едва только пришла первая весть о сельди.

Карбасы — большие парусные лодки — вышедшие с сетями, нагрузились уловом по края бортов. Сеть, которую закидывали сразу два карбаса, тянули на берег поморы за концы, по-бур-

лачьему, пригибаясь под тяжестью морских даров. Когда сеть с пойманной рыбой подходила к берегам, вода в мыло пенилась от тысяч пойманных сельдей, не желавших расставаться с морем.

Сельдь небольших размеров идет на продажу, но случается, что ею наживляют яруса для ловли трески. Это бывает в тех случаях, когда трудно или негде достать мелкую рыбешку — мойву, идущую для приманки трески. Треска здесь доходит иной раз до полутораметрового размера.

К вечеру сельдь из Териберок ушла в неизвестном направлении и, к огорчению поморов, попадалась только мелкая пикша, которую поморы выбрасывали из сетей либо в море, либо на берег как ненужную.

Поморы не обязательно крупного роста, но в шестьдесят лет старика-помора обыкновенно „молодят“ лет на пятнадцать — двадцать, никогда не дают ему его лет. И это несмотря на отчаянное пьянство, вызываемое тяжелыми условиями жизни севера.

Раз в неделю к становищам приходит рейсовый пароход, и буфет — своего рода пловучий кабачок — в полон берется поморами, осушающими все его спиртовые запасы, выворачивая свои карманы.

У териберкских строений, не имеющих заборов и огородов, сушатся не только пикша, треска, камбала, но и самые сети. Териберки готовятся к лову трески.

Согнувшись на коленях старые и малые поморы наживляют крючки ярусов мойвой, которой набиты целые ведра.

Мойва приходит на Мурманский берег метать икру, и часто от ее улова в значительной степени зависит улов трески, отлично идущей на мойву-приманку.

Если к становищу привалило много мойвы, для помора это — то же, что для нашего крестьянина виды на буйный урожай.

Одежда поморов в большинстве своем самотканная, но нередко можно встретить помора в норвежской вязанке, завезенной сюда норвежцами-зверопромышленниками. Рыбацкие костюмы поморов, в которых они по пояс ходят в воде, служат экспонатами музеев севера. Это — не просто костюм, а непромокаемый футляр для человека. Сапоги, крепко пахнущие, поморы смазывают ворванью — тюленьим жиром.

С развитием авиации охота на тюленей принимает колоссальные размеры. Ледокольные пароходы, промышляющие зверя, снабжены всеми техническими приспособлениями для организованной охоты на тюленя.

На самой верхушке фокмачты укреплена бочка — наблюдательный пункт за зверем во время охоты. На палубе парохода — площадка с аэропланом. Когда летчик обнаруживает лежку зверя, он сообщает по радио о местонахождении тюленя, и редкому зверю удается уйти от зверопромышленника.

Когда наш пароход дал третий свисток, пассажиры заметили с палубы голову тюленя, показавшуюся из воды.

Тюлени очень любопытны. Когда за ним, раненым, но уползающим со льдины в воду, гонится зверопромышленник, чтобы всадить пометче пулю — очень часто крик зверобоя останавливает зверя — он поворачивает на крик свою маленькую голову и падает жертвой любопытства. Зверопромышленник бьет его наповал.

Охота на бельков, детенышей тюленя, теперь запрещена. И действительно, охота на белька, которого утельга, самка тюленя, носит одиннадцать месяцев, могла бы привести к полному истреблению тюленей на севере Союза.

Нелегко достается кусок хлеба зверопромышленнику. Каждый раз, когда зверобой уходит в море, на берегу часами машут ему платочком жена, мать, дети, потихоньку утирая слезы. Машут до тех пор, пока посудина, на которой зверобой вышел в море, не скроется за горизонтом. А затем томительно долгие дни ожидания зверобоя с моря.

Не всегда море бывает щедро, не всегда дает добычу и не всегда возвращает живым зверопромышленника на берег. Волны прибоя выбрасывают иной раз только его распухшее тело. В каждую охоту на тюленей что-нибудь да случится.

Зимой прошлого года артель зверобоев выступила с острова Моржовца на лед. Старший артели послал зверобоя Лукина за бельками. Пока тот бегал, льдину оторвало ветром от берега и понесло

течением. На льдине Лукин встретился еще с одним зверобоем, который отстал от товарищей, гоняясь за зверем. Зверобои стали кричать, звать на помощь, а льдина продолжала удаляться от берега. Полтора часа носило ее с промышленниками около маяка. Потом вдруг понесло в открытое море.

Кругом плавал битый лед, выбраться было невозможно. На четвертые сутки над зверобоями пролетел самолет, но не заметил несчастных. Вскоре не стало видно и земли.

Восемь суток плавали без всякой пищи и ели снег при сильной жажде. На девятые сутки убили зверя и пили кровь. В тот же день увидали снова самолет. Он заметил их, облетел кругом и бросил кулек с сухарями, табаком и спичками. Затем быстро слетал на остров Моржовец и бросил зверобоям пакет с теплой одеждой, валенками и продуктами.

Продуктов хватило на четверо суток. Целых двенадцать дней зверобои мокли в воде до костей. Ноги в малицах обмерзли и обледенели. На тринадцатые сутки утром подошел ледокол „Седов" и взял на борт обессиленных зверобоев.

Долго лечились зверобои в Мурманске. У Лукина отрезали на правой ноге два пальца, и сейчас он плохо ходит, а у товарища его болит правая нога.

Таких случаев много.

От Териберок, мимо островов Малого Оленьего и Кильдина, через Александровск, рукой подать до Мурманска, этого послевоенного города с огромным будущим.

По пути к нему, в Кольском заливе, у мыса Пинагорий — магнитная аномалия, хорошо известная мореплавателям. Присутствие магнитного железняка сильно отклоняет в сторону стрелку компаса.

— Обратите внимание, — говорит мне капитан Бурке, указывая на каменные отвесные скалы, глядящиеся в спокойную гладь узкого Кольского залива, — это типичные норвежские фиорды. Нигде, ни в Крыму, ни на Кавказе, вам не встретить такой подлинной и суровой красоты. Каждый человек, приезжающий на север, становится его поклонником, и раз побывавший на нем непременно вернется к нему — так велика его притягательная сила.

Первые два человека пришли в теперешний Мурманск в апреле 1915 года, и в том же году были построены восемь бараков для жилья рабочих по постройке Мурманской железной дороги, воздвигнутой царским правительством на костях китайских кули и военнопленных.

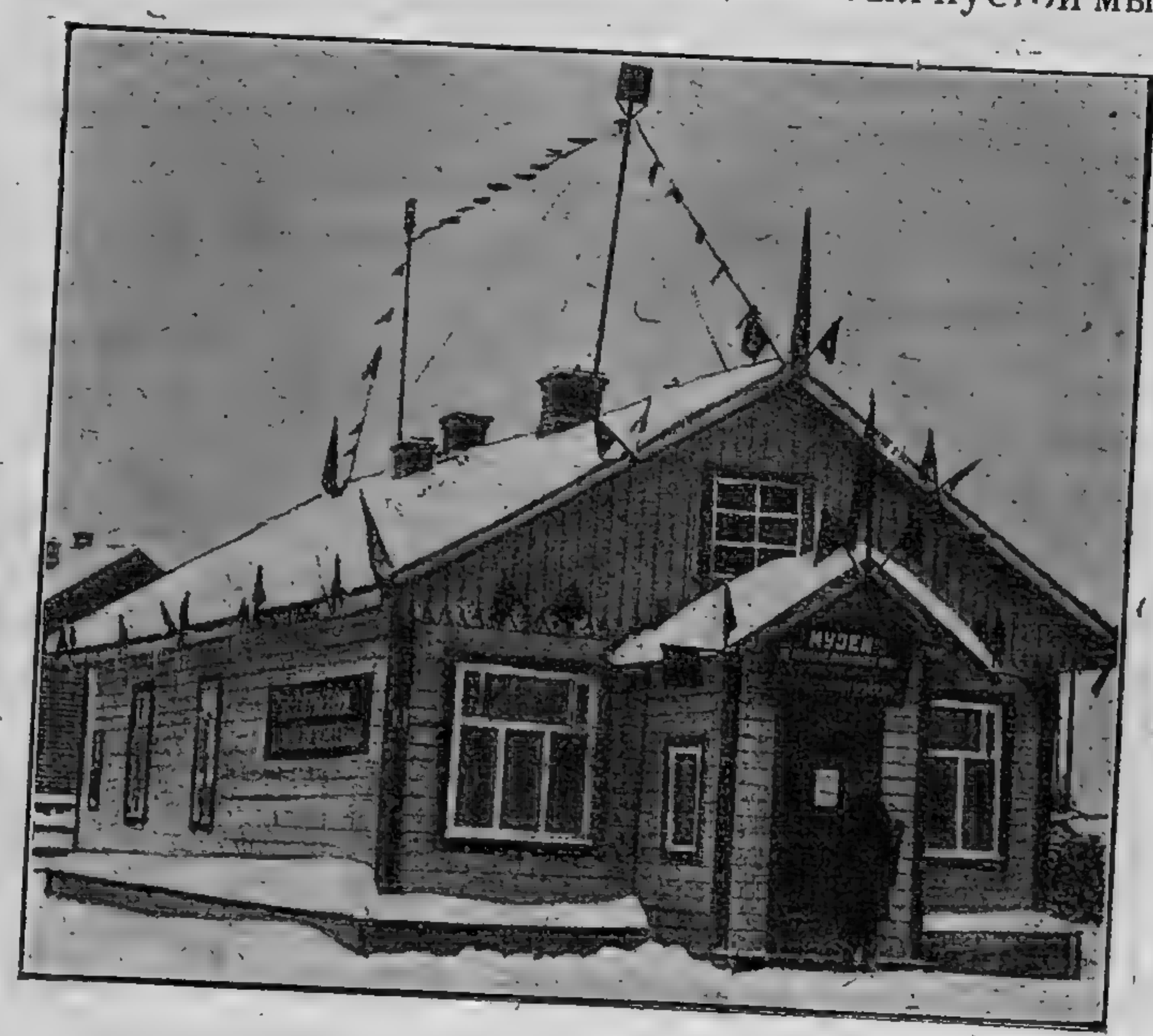
Закладка Мурманска официально состоялась в сентябре 1916 года. По всероссийской переписи 1920 года в нем было 2 487 жителей, а по всесоюзной переписи 1926 г. — 8 777.

Город Мурманск — с текучим населением. Оседло здесь живут лишь служащие или колонизовавшиеся в Мурманском краю.

Краеведческий музей в Мурманске, этот маленький, но интересный филиал мурманской биологической станции, в мае 1928 года посетило 1 248 человек, а в июне — 1 500 (!) С экскурсиями приез-

жают сюда из Ленинграда, Москвы, Ельца, Томска, Узбекистана и необъятных окраин нашего Союза.

Траловая база Севгосрыбтреста—крупное сооружение Мурманска. Там, где недавно был пустой мыс,

Краеведческий музей в Мурманске.

теперь занято более сотни рабочих. Идут большие земляные работы для расширения базы. Уже отстроены фильтровочный завод и жилые дома для рабочих.

Мурманская железная дорога загружена сейчас далеко еще не на все сто процентов. Проектируемая линия Великого Северного пути даст выход сибирским грузам через незамерзающий Мурманский

порт на мировой рынок. Она приблизит к Вятскому краю, Уралу и всей Сибири на целых 574 километра Мурманский порт, который ближе по морскому пути к портам Северной Европы, Чикаго и Нью-Йорка, чем все другие порты Союза.

Линия Сорока — Котлас — первый отрезок Великого Северного пути — вовлечет в экономический оборот океан лесов Севера и даст широкие возможности к развитию Севера и его колонизации.

Интерес к Кольскому полуострову, едва только вскопанному академиком Ферсманом в Хибинской экспедиции, показавшей краешек таящихся на севере кладов, непрерывно растет.

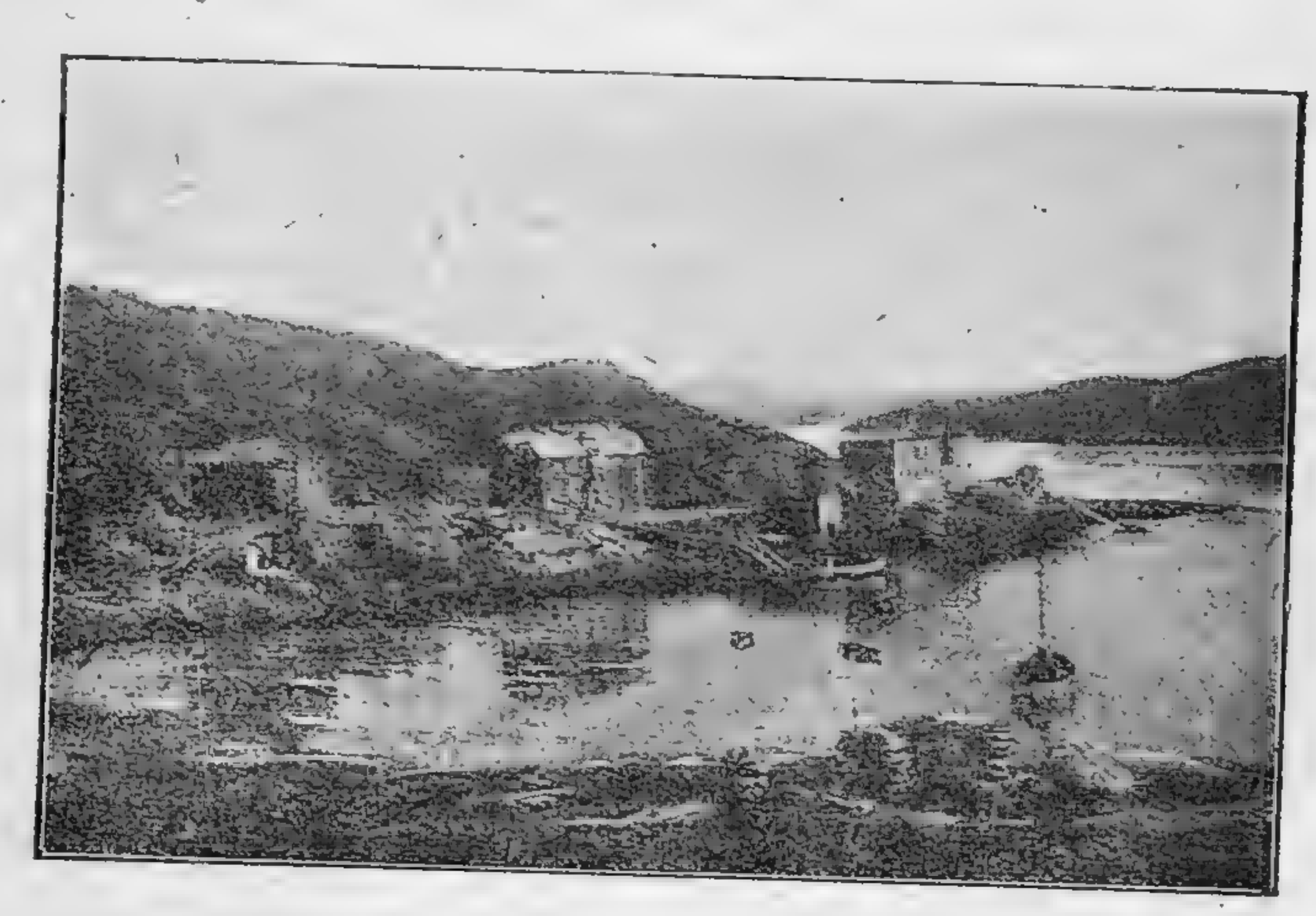
По данным колонизационного отдела Мурманской железной дороги, количество нефелинового сиенита в Хибинских горах составляет свыше 500 000 тонн. Недавно на заводе „Дружная Горка" закончились опыты, давшие хорошие результаты по изготовлению стекла из нефелинового сиенита. Стекло, получаемое из сиенита — зеленого цвета, с большой сопротивляемостью на удар и кислотность. Для приготовления этого стекла совершенно не требуется щелочей, что значительно удешевляет стоимость производства.

Экспедицией минералогического музея Академии наук открыты и уже разрабатываются богатые месторождения апатита с содержанием окиси фосфора от 15 до 36 процентов. Запасы апатита на склонах Кукисвумчорр и на плато Расвумчорр определяются в миллионы тонн. Апатит дает прекрасный фосфор и может служить в размолотом

виде в качестве удобрительного тука при культуре болот и предметом экспорта.

Спрятанные суровой природой неисчислимые богатства Кольского полуострова медленно, но верно становятся достоянием Союза.

А сколько еще неизведанных тайников хранит полуостров в своих недрах.

Мурманская биологическая станция.

ПОЛЯРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

За северным полярным кругом, где около трех месяцев летом стоит сплошной день с незаходящим солнцем и столько же времени зимой царит полумрак, а солнце совершенно не показывается над горизонтом, в городе Александровске-на-Мурмане, на крутом берегу Кольского залива, высится ряд зданий Мурманской биологической станции.

В прошлом столетии общество естествоиспытателей при Петербургском университете организовало на Соловках биологическую станцию, послужившую началом Мурманской станции.

В Баренцово море, близ которого стоит станция, Гольфштрем гонит тепловодные и холодноводные формы животных. Это обстоятельство было принято во внимание учредителями станции и дало возможность развернуть работу в широком масштабе.

В 1899 году станция была переведена с Соловков в только-что строившийся тогда город Александровск-на-Мурмане. Имущество Соловецкой станции уместилось всего в нескольких ящиках. В июле 1924 г. истекло уже 25 лет работы морской биологической станции на Мурмане, а в 1928 году исполнилось двадцатилетие работы одного из основателей, руководителей и вдохновителей станции проф. Г. А. Клюге.

Тяжелые годы войны и интервенции свели почти на-нет огромные труды многих лет. Усилиями профессора Клюге станция возродилась из пепла. Теперь она служит средоточием научной мысли всего мира. Сюда приезжают ученые не только Союза, но и Швеции, Норвегии, Германии, Америки.

В восстановленной и преобразованной проф. Клюге биологической станции, в этом полярном университете, сейчас пять отделений: 1) зоологическое, 2) ботаническое, 3) физиологическое, 4) гидрологическое и 5) научно-промысловое да плюс ко всему хорошо оборудованная химическая лаборатория. До войны станция пропускала в год до

Северный Ледовитый Океан
ФИНЛЯНДИЯ
Мурманский берег
МУРМАНСК
Терский берег
Белое м.
КЕМЬ
АРХАНГЕЛЬСК
Сев. Двина
АВТ. КАРЕЛ. ССР
Онежск. оз.
ПЕТРОЗАВОДСК
Ладожск. озеро
р. Свирь
С. С. С. Р.
ВОЛОГДА
ЛЕНИНГРАД
220 110 0 220 Килом.

30 человек, но уже в 1927 году станция пропустила 105 человек, из них 60 студентов-стипендиатов и 45 самостоятельных научных деятелей.

До четырех раз в год сотрудники станции выезжают с экспедицией в море от 69° 30', до 76° по двум меридианам; поднимаются по кольскому, а спускаются на юг по 38-му меридианам, примерно к становищу Восточная Лица.

Характер работ станции — научно-исследовательский. Учебно-вспомогательные работы ведутся со студентами-практикантами. Животные, добываемые самой станцией со дна морского во время экспедиций, поступают частью в аквариум, в музейный и опытный фонды, а частью отправляются по всему Союзу в средние и высшие учебные заведения.

— Вы напрасно думаете, что нас редко посещают, — говорит мне лаборантка станции тов. Белова. — Хоть и живем мы в медвежьем углу, но у нас отбою нет от массовых экскурсий и одиночек. Забегают с пришедшего в бухту парохода в любое время дня и ночи, тем более пользуются незаходящим солнцем. И мы всегда с охотой всем показываем.

А диковинок действительно много в этом интересном учреждении. В музее станции распластались завсегдатаи северных вод — тюлени гренландские и обыкновенные. За стеклом витрины — целая коллекция разных видов чаек. Вот чайка-глупыш, толстая, тяжелая, напоминает утку. Обидное свое название она получила оттого, что сама не улетает с судна, если случайно залетела на него. Ее необ-

ходимо сбросить за борт, лишь тогда она полетит. А вот поморник-разбойник. Эта чайка получила криминальное название потому, что промышляет исключительно разбоем и кормится за счет чайки-мойвинки, ловящей в море рыбешку мойву.

Под стеклом покоится король сельдей — рыбина метра в полтора, прозванная так промышленниками за свое сходство с обыкновенной сельдью. Король сельдей — глубоководная рыба и имеет уплощенную форму. Рыба зубатка — совершенно исключительная рыба. Мясо ее очень вкусно, а из шкурки выделывается прелестная... шагреневая кожа, которую не отличить от настоящей.

Хищные морские звезды изумительной красоты и симметрии, ничуть не стесняясь посетителей станций, нападают среди бела дня (в аквариуме) на обитателей раковин, раскрывают бесцеремонно их створки и пожирают слизняков. Игольчатыми комочками свернулись в проточной воде аквариума морские ежики. А вот и чудо полярного моря, незабываемые по нежности окраски подводные цветы-актинии, розоватые, палевые, дымчатые, желтые.

В лабораториях за микроскопами, колбами, ретортами, пробирками молодая гвардия будущих советских специалистов закрепляет за собой аванпосты науки.

Теснота в лабораториях отчаянная. Для научной работы, для полета научной мысли необходим простор, а здесь — помещение, в котором исследуется все Баренцово море, не больше приличного чулана. Жилищный вопрос здесь не менее

остр, чем в Москве. Из-за недостатка средств перед станцией недавно стоял вопрос о свертывании аппарата.

Общественность Союза не может безучастно смотреть на отмирание этого культурного оазиса на далеком, глухом севере, где люди оторваны по неделям от внешнего мира, где питьевую воду возят к станции на шлюпках и где, несмотря на все это, ведется крупная, полезная человечеству работа.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аврал—работа всех вахт по спасанию парохода.

Бакари—меховая обувь.

Банка—отмель, подводный камень.

Белек—молодой тюлень.

Бичкомер—безработный (испорченное английское слово, означающее буквально: чешущий берег).

Вахта—дежурство на корабле.

Вест—запад.

Ела—морская лодка норвежского типа.

Закружать—заблудиться.

Зюйдовый—южный.

Заяц морской—тюлень.

Конец—канат.

Кубрик—помещение для матросов на корабле.

Нерпа—тюлень.

Пастник—песцовые ловушки.

Пимы—меховые сапоги.

Плавник—береговой лес, унесенный ледоходом.

Потаск—кровавый след убитой нерпы на льду.

Припай—береговой лед.

Рация—радиостанция.

Сакуй—одежда из шкуры рослого оленя или молодого оленя-пыжа. Надевается через голову без застежек.

Травить—выпускать канат.

Утельга—самка тюленя.

Цынжать—болеть цынгой.

Штурман—помощник капитана.

СОДЕРЖАНИЕ

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

35 коп.

